Оживший

Автор:
Александр Шувалов

Оживший

Александр Шувалов

Агент ГРУ

В свое время группа спецназа ГРУ подполковника Игоря Коваленко провалила ответственное задание и была расформирована. Оказавшись не у дел, ее участники вынуждены самостоятельно приспосабливаться к жизни. Сам Игорь устроился работать контролером в супермаркет. Однажды он случайно узнает на улице главаря террористов, на которого в свое время охотились спецназовцы и которого ошибочно считают ликвидированным. Коваленко понимает: экстремисты готовят террористическую атаку. Он спешит собрать свою группу и помешать «ожившему» боевику осуществить смертельную акцию. И даже не догадывается, что война уже давно ведется по другим правилам…

Александр Шувалов

Оживший

© Шувалов А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Посвящается моему отцу

Пролог

Дальнее зарубежье.

Наше время. Весна.

Противный, зарядивший с самого утра дождик умывал город, его дома, улицы, деревья, нагло капал на головы прохожих.

Капли, собираясь в струйки, скатывались по слегка «подкопченному» по последней моде стеклу огромного окна то ли офиса, то ли гостиничного номера, достаточно комфортабельного и вместе с тем безликого. Городской пейзаж снаружи тоже не отличался разнообразием, и вряд ли бы кто догадался, что дело происходит в Англии («Дивная старая Англия… да поразит тебя сифилис, старая сука!»[1 - Ричард Олдингтон.]), если бы не проглядывающий сквозь водяные потоки отдаленный силуэт Биг-Бена.

Впрочем, собравшиеся в помещении в окна не глазели. Они сюда не за этим пожаловали. Деловые люди, знаете ли, вообще не имеют пошлой привычки просто так смотреть по сторонам и бесцельно щелкать клювиками. Их время, даже в самых ничтожных единицах измерения, помечено ценниками с очень серьезными цифрами. А эти четверо, вне всякого сомнения, были людьми очень даже деловыми.

Сегодня человек, известный в определенных кругах как Режиссер, представлял на суд троих потенциальных заказчиков и инвесторов свою очередную блестящую творческую задумку. Он не знал и не собирался узнавать их имена (впрочем, так же, как и они его), поэтому про себя именовал их исключительно по номерам. Первый – персонаж явно ближневосточного типа, роскошно, даже с некоторым перебором, упакованный чернобородый красавец чуть моложе сорока. Второй, значительно старше, ближе к шестидесяти годам. По виду скандинав или англосакс, с правильными, несколько размытыми чертами гладко

выбритого лица. Очень недешево, но вместе с тем неброско одетый, сдержанный в движениях, редко и негромко разговаривающий, как будто, постоянно находящийся в тени. Таких людей гораздо легче забыть сразу же после знакомства, нежели вспомнить потом. Третий человек, изрядно в свое время помелькавший в СМИ на территории великой распавшейся страны, когда-то занимавшей всего-навсего шестую часть мировой суши, а потом на долгие годы начисто выпавший из поля зрения и забытый. Верзилистый тип с лошадиным лицом, покрытым модной «трехдневной» щетинкой. За прошедшие годы он несколько полинял и потерся на сгибах, зато выучился со вкусом носить одежку от-кутюр и курить сигары.

Режиссер закончил фразу и взял короткую паузу. Третий откинулся в кресле, заложив ногу за ногу, выпустил в потолок мощную струю дыма. Посмотрел на Второго.

– Недурно, – молвил тот. – Скажите, вы уже проводили пробные съемки?

– Безусловно, – чуть более бледный, чем обычно, Режиссер (он на дух не переносил табачного дыма, а Первый с Третьим, с разрешения Второго, курили не переставая) привычным жестом пробежался пальцами правой руки по длинным, волнистым, цвета воронового крыла волосам. – Как раз собираюсь показать вам небольшой фильм…

– Сколько частей? – поинтересовался Первый.

– Три.

– А не мало?

– Вам судить. – Он нажал на кнопку панели дистанционного управления, и на большом экране стоящего в углу плазменного телевизора появилось изображение. Присутствующим предлагался к просмотру пятиминутный ролик – «пилот» из трех частей, без компьютерных эффектов, музыки и субтитров, снятый в строгой манере мастеров второй половины века минувшего.

Часть первая

Кафе на широкой оживленной улице, явно где-то в центре большого города. Все, за редким исключением, посетители очень молоды. Они что-то едят, пьют, курят и оживленно болтают. Внутри зала гремит музыка. Двери открываются, внутрь заходят трое, два парня и девушка, экипированные в полном соответствии с молодежной модой: джинсы, футболки, рюкзачки за плечами. Их лица спрятаны за козырьками низко надвинутых на лоб бейсболок. Компания дружно устремляется к туалетным комнатам и очень скоро появляется в зале в масках, с укороченными автоматами Калашникова в руках. И тут же открывают огонь по посетителям. Прекратив стрельбу, выгоняют оставшихся в живых на улицу, а сами, сбросив маски и избавившись от оружия и рюкзачков, смешиваются с толпой. Не успевают последние посетители выбежать наружу, как помещение озаряется вспышками – нападавшие оставили внутри взрывчатку.

Часть вторая

Невысокое двухэтажное здание позапрошлого века постройки в тихом переулке. По виду – галерея или выставочный зал. Строгие консервативные интерьеры и солидная публика. На этот раз в роли террористов выступают четверо: две женщины со спутниками, возрастом, одеждой и манерами поведения полностью соответствующие месту и времени. Оружие и маски мужчины достают, один из борсетки, второй – из карманов легкого плаща, а дамы – из сумочек. Дальнейшие их действия очень похожи на методы предыдущей команды, только перед тем как начать отстрел посетителей, террористы быстро и грамотно «гасят» немногочисленную охрану. Примечательным из второй части, кроме всего прочего, можно считать то, что у рвущихся в толпе к выходу, сбросивших маски женщин совершенно не пострадали прически.

Часть третья

До отказа забитая застывшими в пробке автомобилями улица. Из микроавтобуса, стоящего в правом крайнем ряду, выскакивают трое, чуть позже к ним присоединяется и водитель. Все они в темной одежде и в масках. Двое начинают расстреливать из ручных пулеметов соседние автомобили и прохожих. Вторая пара делает несколько выстрелов из одноразовых гранатометов. Напоследок все четверо бросают гранаты, после чего проворно ныряют в открытый канализационный люк и даже аккуратно закрывают за собой крышку.

Нажав на «Stop», Режиссер продолжил рассказ. Несмотря на то что в конце фильма аплодисменты не прозвучали, тонкое чутье творца подсказало ему, что

всех троих «зацепило».

Когда он закончил презентацию, дождь прекратился, близился вечер. На столе перед тремя, сидящими за ним, появилась крупномасштабная карта – какие-то планы и схемы. Пепельницы перед Первым и Третьим заполнились окурками. Второй, донельзя правильный и дистиллированный субъект, вредных привычек явно не имел, но к плавающим в воздухе клубам дыма относился вполне терпимо в отличие от сильно страдающего от недостатка кислорода Режиссера.

Он замер перед сидящими за столом в ожидании решения, от которого зависела судьба проекта. Наступила тишина. Переглянувшись между собой, Первый с Третьим повернулись ко Второму, явно главному из всей этой троицы. Тот, прикрыв глаза, чуть заметно кивнул.

– Куплено, – негромко произнес он. – Четверть запрошенной вами суммы будет переведена в течение двух недель, остальное – после завершения работ.

Достав из кармана платок, Режиссер промокнул лоб, после чего позволил себе улыбнуться.

Встав из-за стола, Третий подошел к нему, крепко пожал руку и похлопал по плечу.

– Очень сильный проект.

– Спасибо, – наклонил голову польщенный похвалой творец. – Есть, правда, некоторые шероховатости, только сейчас заметил, но мы их обязательно пригладим в процессе работы.

– Не скромничайте, все было просто замечательно. Предвижу серьезный успех. Кстати, – он ткнул пальцем в место на карте, где, согласно сценарию, располагалось молодежное кафе, – как называется эта улица?

– Тверская.

– Тверская… – повторил тот с легкой долей ностальгии и улыбнулся.

На самом деле обсуждавшийся проект не имел никакого отношения ни к кино с театром, ни к опере с балетом. Все было куда как серьезнее, омерзительнее.

Лирическое отступление первое.

Уголовно-процессуальное.

Следственный изолятор «Матросская Тишина». Наше время.

Начало декабря.

К работе с «контингентом» старший следователь по особо важным делам Прокуратуры Российской Федерации Сотник привык относиться творчески, как хороший дровосек к полену, и вдумчиво. Аккуратно установил деревяшку, не торопясь прицелился, размахнулся и тюкнул. В итоге полено с легким треском раскалывается и даже щепки не летят. И это правильно, лишняя щепка сейчас не в моде, слава богу, не при Берии живем.

Прикатив в тридцать два в столицу из родного Краснодара, он за какие-то четыре года сделал серьезную карьеру, став старшим и «особо важным». Именно ему, а не получившим точно такие же должности, понятно за какие заслуги предков юным мажорам и мажоршам, доверялись действительно важные, резонансные дела. Такие, как вот это.

Он отложил в сторону ручку и потянулся к лежащей на столе пачке скромного серого «Веста». Предложил сигарету подследственному. Тот поблагодарил и отказался. Сверстник следователя, тусклого вида мужичок, как говорится, «без особых примет» в спортивном костюме. Из докладов охраны СИЗО Сотник знал, что его клиент ежедневно изнуряет себя физическими упражнениями, ничуть не меньше, чем в свое время фартовый налетчик прошлого века Гришка Кот, впоследствии вошедший в отечественную историю как герой Гражданской войны комбриг Григорий Котовский. Он, в смысле подследственный, превратил выделенную ему родиной крохотную камеру-одиночку в настоящий спортивный зал. Несколько часов ежедневно приседал, отжимался от пола, растягивался, проводил интенсивные «бои с тенью» и даже как-то умудрялся бегать кроссы. Не обжирался, хотя получал более чем приличные передачи с воли, пил много жидкости и выкуривал не более пяти сигарет в сутки.

– Ничего не хотите добавить к ранее сказанному? – поинтересовался Сотник.

– Нет.

– Согласитесь, вся эта история в вашей трактовке выглядит не совсем правдоподобно.

– Не спорю. – Подследственный пожал плечами и улыбнулся. – Истина очень часто не выглядит как истина.

– Да вы у нас просто философ.

– Где уж мне. – И опять улыбнулся.

Интересный тип и, что самое главное, совершенно непонятный. Очень даже не похожий на связанных с террором персонажей, с кем следователь работал раньше. И дело вовсе даже не в физкультуре, многие в его положении находят интересные способы как-то разнообразить тюремное бытие. Один наркодилер из Таджикистана с неполным шестиклассным образованием, помнится, не нашел ничего лучшего, как начать старательно изучать испанский. Решил, видать, после выхода на свободу закрутить что-нибудь совместное с колумбийцами.

А вот это его улыбчивое спокойствие и в то же время полное отсутствие как замкнутости в себе, так и натужной бодрости. Точно так же два года назад вел себя один из «клиентов» следователя, правда, тот умирал от рака. Состояние здоровья нынешнего подследственного опасений не вызывало. Более того, за время пребывания в СИЗО он умудрился растрясти лишний жир и окрепнуть.

– Хорошо, на этом сегодня закончим. Распишитесь и укажите на каждой странице дату.

– Я помню. – Арестант придвинул к себе бумаги и принялся за чтение. – Позвольте ручку. – И начал, ловко управляясь одной правой, визировать листы. Его левая рука в соответствии с инструкцией о правилах допроса представляющих особую опасность лиц была скреплена наручниками с приваренным к углу стола кольцом.

– Желаете встретиться с адвокатом? – Сотник был сама любезность, толковый дровосек никогда не станет пинать ногами без нужды выбранное для колки полено.

– На этой неделе – нет.

– Еще просьбы, пожелания?

– Не знаю, возможно ли это…

– Что?

– Хотелось бы пару гантелей от шестнадцати до двадцати кило, эспандер и эластичный бинт.

– Боюсь, не получится.

– Что ж, тогда просьб и пожеланий нет.

Следователь нажал на вмонтированную в столешницу кнопку, вызывая конвой. В кабинет вошли два прапорщика – один помоложе, удивительно напоминающий вставшего на задние лапы медведя, второй предпенсионного возраста с желтоватым лицом хронического язвенника. Молодой отцепил браслет наручника от стола.

– Руки за спину! – Арестанта окольцевали. – Пошел! – И он двинулся на выход между двумя служивыми.

– Минуту, – все трое остановились. Сотник закрыл портфель, поднял голову и тихим голосом произнес: – Пару слов напоследок, вы меня слушаете?

– Да, конечно, – также негромко ответил тот.

– Не знаю, где вас так научили держаться на допросах, но обязательно узнаю. Я вообще собираюсь очень подробно изучить вашу биографию. А пока добрый совет: осознайте наконец, что вы проиграли, и начинайте сотрудничать… – собрался было добавить, что подельник арестованного уже раскололся и «поет»,

как Басков на корпоративе «Газпрома», но делать этого не стал, потому что, во-первых, достаточно уважал самого себя, а во-вторых, не считал своего противника законченным кретином… – До встречи, задумайтесь над сказанным.

– Обязательно. Всего вам доброго. – И арестант, по-прежнему улыбаясь, пошел к выходу. Он ни в коем случае не чувствовал себя проигравшим, напротив, был твердо уверен в том, что при любых последующих раскладах все равно уже победил.

Глава 1

– Прапор, не спать!

– Даже и не думаю… – И начальство разочарованно удалилось, слегка поскрипывая обувкой.

Сетевой супермаркет на юго-восточной окраине, один из очень и очень многих в Москве (название, дабы избежать подозрения в скрытой рекламе, не приводится). Совсем даже не пафосный и уж точно без малейшего намека на гламур. Сюда с гарантией не придет затовариться чем-нибудь вкусненьким первая красавица России Ксюша Стульчак или сладкоголосый Бима Дилан и, кстати, очень правильно поступят. Товары здесь, честно говоря, полное говно.

Торговый зал, естественно, не блещет особой красотой и роскошью, а уж о скрытом от глаз людских говорить и вовсе не приятно. Вонючие, грязные подсобки, полные крыс подвалы, страшная, как судьба натурала в отечественном шоу-бизнесе, беззубая матерщинница-директриса, ах, извините, управляющая баба Лена. Таджики-грузчики и работницы торгового зала из солнечной Киргизии. Словом, все как везде.

Не поверите, но все это вместе и по отдельности вполне меня устраивает, потому что я – контролер. Скромный и не очень заметный борец с расхитителями капиталистической собственности, оплот безопасности, гроза хулиганов и разных прочих бяк. С ног до головы упакованный в темно-зеленую суровую форму, того же цвета кепку и тяжелые башмаки с высокими берцами. Для

полного сходства с бойцом неизвестной науке армии не хватает только разгрузки, чего-нибудь стреляющего и бронежилета. Слава богу, до этого дело пока не дошло. Я вооружен, как указано в моей должностной инструкции, исключительно собственной вежливостью, предусмотрительностью и наблюдательностью.

– Главное – постоянно отслеживай оперативную обстановку, – заявил мне при ознакомительном инструктаже координатор (о как!) службы безопасности компании Ооюл Цыденович и дохнул перегаром как минимум недельной насыщенности.

– Что?! – опешил я.

– Все равно не поймешь, – снизошел этот Штирлиц. – Хлебальником, говорю, не щелкай и не пей на работе. У нас с этим строго, – подытожил он и с чувством рыгнул.

С тех пор скоро уже четыре года, как я на службе. Стою себе между кассами и ячейками камер хранения, изредка совершая набеги на торговый зал. Моя основная задача – бдительно пресекать попытки местной алкашни спереть «элитарку» (это все, что дороже водки) со стойки напротив центральной кассы и, собственно, саму водку и сопутствующее ей пиво из закромов прямо и чуть правее. Едва не забыл: при этом я должен сохранять полную серьезность во взоре и грозный вид. Это, кстати, проверяется, единственный на весь магазин видеоглазок почему-то передает на экран в кабинете администрации именно изображение того места, где мне положено находиться, а не торгового зала. Баба Лена, особенно с похмелья, обожает пялиться туда, а потом распекать провинившегося за утрату служебного вида или попытку хоть на минуту-другую пристроить уставшую задницу к стулу. Без шуток, сидеть контролеру в течение всей суточной смены КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩАЕТСЯ! Какой дурак придумал это, не знаю, но это так. Впрочем, не так все страшно, как кажется на первый взгляд. От видеоглаза можно спрятаться за кассой номер три, а спать с открытыми глазами я научился очень давно, еще в прошлой, вернее, в позапрошлой жизни.

Я посмотрел на часы: 8.15, сорок пять минут до конца смены. Вздохнул, решил было подремать еще чуток, но не стал. Ко мне на цыпочках, чуть слышно поскрипывая новой форменной обувью, приближалось начальство, старший контролер, строгая, но не всегда персонально ко мне справедливая дамочка средних лет с незадавшейся судьбой по имени Светлана. Где-то с минуту она

посидела в засаде за кассой номер один, а потом резко выпрыгнула оттуда с леденящим душу: «Прапор, не спать!»

Захлебнулся женский крик и растаял, словно эхо… Я предстал пред светло-карими глазами шефини во всей красе, свежий и бодрый, как изготовившаяся к броску гончая.

– И не думаю, – громко и бодро отрапортовал я, изо всех сил стараясь не зевнуть.

– Смотри у меня! – И ушла в печали.

Двери в магазин распахнулись. Трое джентльменов ханыжного вида, освежая воздух чудным запахом перегара, вошли и решительно двинулись к стойке с водочкой и сопутствующими ей жидкостями.

– Проследить! – четко, по-военному распорядилось руководство из-за кассы номер один.

– Есть! – не менее четко ответил я и вразвалку направился следом. Подошел поближе и стал с завистью наблюдать, как круто затоваривается компания. Пять, нет, уже шесть литровок беленькой, четыре двухлитровых баллона пива, буханка хлеба, ого, целая палка вареной колбасы.

– Все путем, Игорек! – гордо сообщил мне Витюша, широко улыбаясь беззубым ртом. – Имеем право! – И продемонстрировал зажатую в кулаке красную пятитысячную купюру. Весь магазин знает, что он живет на ренту, ежемесячно выплачиваемую семейством молдавских цыган, которым сдает квартиру. Сам же ночует у многочисленных друзей или где ночь застанет.

– Приятно погудеть, мужики, – от чистого сердца пожелал им я и вернулся на пост.

8.25, сорок пять, даже сорок минут до первой выпитой мною сегодня бутылки пива. Сорт значения не имеет, главное, чтобы оно было крепким и как следует приложило по вялым с недосыпа мозгам. Вторую я, как обычно, осилю в вагоне метро, а потому доберусь до дома уже достаточно мягоньким. Едва войдя в квартиру, рухну на диван и отрублюсь. Проснусь, как всегда, ближе к вечеру,

пообедаю, а заодно и поужинаю. Без пива, зато с литром водки, после чего опять провалюсь в сон до следующего полудня. Очухавшись, схожу в магазин, потом что-нибудь приготовлю, постираю, может быть, слегка приберусь. Ближе к вечеру устроюсь перед телевизором, поужинаю, а заодно и пообедаю, без всякой там водки, а исключительно под пиво. Так и буду валяться на диване под телевизором, отхлебывая из горлышка очередной бутылки и лениво переключая каналы, пока не усну. А утром встану пораньше и опять пойду на смену. Я живу так уже четыре года, отгородившись невидимой глазу, но прочной стеной от всего и всех, а главное – от самого себя. Это вполне меня устраивает, и менять что-либо я не собираюсь.

Смена закончилась, и я вышел наружу, даже не переодеваясь, потому что лень. На площадке перед магазином, картинно опираясь на собственное авто, убитую в хлам «трешку», меня поджидало начальство, томная дамочка Светлана.

– Тебе в какую сторону, Игорек?

– В противоположную, – буркнул я и стартовал в сторону ларька через дорогу.

Что называется, достала. Еще давно, после третьего или четвертого дежурства она решительно, приказным тоном предложила отметить рюмкой-другой начало совместной трудовой деятельности, а потом слиться в любовном экстазе. Естественно, у меня. У нее нельзя, могут помешать дети, мама ну и, конечно, муж, если вдруг надумает заглянуть домой. На первое такого рода предложение я, помнится, ответил незамысловатой шуткой и отказался. В следующий раз она потребовала пьянки с обязательным последующим интимом сурово и в лоб, пришлось точно так же и ответить. С тех пор и по сей день начальница по мере сил донимает меня мелкими придирками, обзывает прапором, но все равно время от времени пытается соблазнить. И каждый раз с одним и тем же результатом: во-первых, мне есть чем заняться дома, во-вторых, терпеть не могу гостей, потому что с ними надо разговаривать.

Я подошел к ларьку и просунул физиономию в окошко.

– Две крепкого, как всегда? – спросила успевшая изучить мои изысканные кулинарные вкусы тетка за прилавком.

– Да.

Сковырнув пальцем пробку, я приник к горлышку. Пиво полилось в меня. Прикончив содержимое бутылки, забросил опустевшую тару в урну, перевел дух и побрел к лавочке возле остановки. Вдруг совершенно расхотелось топать пешком целых полкилометра до метро. Откупорил вторую и принялся лениво дегустировать содержимое под сигаретку. Не то чтобы я очень люблю пиво, просто меня вполне устраивает то, что оно расслабляет и успокаивает.

Мимо, стреляя неисправным глушителем, прокатило авто, а в нем – цепко сжимающая руль и глядящая прямо перед собой, разочарованная жизнью, как промахнувшийся мимо цели Акела, Светлана. Я поприветствовал ее очередным глотком. Хрен вам, милая, вместо моего молодого, самую малость обрюзгшего тела и роскоши человеческого общения. Злобствуйте себе дальше и впредь, все равно ничего такого вы мне не сделаете. Начальство меня, в общем-то, ценит, потому что я не пью на работе и, что самое главное, в мою смену совсем не пропадает спиртное. Во все другие пропадает, а в мою – ни-ни.

Все потому, что последовал совету мудрейшего Ооюла Цыденовича и правильно оценил оперативную обстановку. На «пробивку» со стороны местных «синяков» ответил строго, хотя и несколько асимметрично. Я догнал скравшего бутылку «очищенного молоком» не самого дешевого пойла Витюшу уже на улице, провел краткую, но энергичную беседу с ним и еще двумя персонажами из местной группы поддержки, после чего вернулся в магазин и торжественно водрузил пропажу на ее законное место. После смены меня, естественно, встретили. Команда противника по такому поводу усилилась двумя легионерами – высоким толстым детиной с личиком потомственного дауна и прыщавым нервным юнцом с безобразно набитыми костяшками пальцев. Он, кстати, первым перешел от слов к делу, подпрыгнул козликом, закричал как потерпевший и выбросил вперед ногу в пыльном ботинке со скошенным каблуком. И мы сразу же приступили к обмену мнениями с помощью жестов. А потом уже нормально поговорили и даже немного выпили.

В результате той встречи без галстуков лидер местных любителей «хорошей русской водки» и всего остального спиртосодержащего Витюша, выплюнув так мешавший ему последний передний зуб, клятвенно пообещал «не борзеть, в натуре» в мою смену. С тех пор никто особо и не борзеет. А если забредет какой-нибудь одинокий ковбой без местной регистрации, то ему сами же аборигены и объяснят, что к чему. Вот что значит найти правильный подход к людям.

Щелчком отбросив в сторону окурок, я прикурил следующую сигарету и сделал крохотный глоток. Мой автобус, как водится, запаздывал, а потому пиво следовало экономить.

К остановке подъехала и остановилась новехонькая, с иголочки, сверкающая лаком «Ауди» восьмой модели. Водитель вылез наружу и походкой хозяина жизни направился к ларьку. Через некоторое время вернулся с пачкой синего «Ротманса». При виде этого красавца я поглубже надвинул на лоб форменную кепку и опустил голову. В моей нынешней жизни совершенно нет места для кое-кого из прошлого, тем более таких паскудных личностей, как полковник Островский. Поэтому в ожидании его отъезда я и решил немного замаскироваться под местность.

А он что-то не спешил уезжать. Вскрыл пачку, прикурил от фирменной зажигалки сигаретку и, подняв воротник пижонской кожаной куртки, остался стоять у машины. То ли он так любит свою тачку и боится, что салон провоняет дымом, то ли… Видимо, все-таки второе, «Ауди» продолжала стоять у остановки, а Островский принялся за другую сигарету. Пару раз глянул на часы… Вдруг бросил ее, недокуренную, и с риском угодить под проходящий транспорт, рванул через дорогу, подбежал к подходящему к проезжей части человеку, поздоровался с ним и как-то подобострастно принял у него большую дорожную сумку. Оставшийся без багажа, дождавшись зеленого света, ступил было на проезжую часть и тут же резво скакнул назад, едва не угодив под несущийся на всех парах джип. Провел пальцами правой руки по коротко остриженным светлым волосам, жестом как будто поправлял прическу. Дождался просвета среди транспорта и направился к машине Островского. Переквалифицировавшийся в носильщика хозяин машины следовал за ним в паре шагов.

Тут что-то щелкнуло в моем омытом пивом мозгу и, прикрывшись так кстати оказавшейся в руке бутылкой, я осторожно выглянул из-за козырька.

Второй… Возраст около сорока пяти лет, среднего роста, худощавый, даже слишком. Чуть оттопыренные крупноватые уши, правильной формы нос, немного скуластое сухое лицо. Волосы светлые, но это ничего не значит. Походка ровная, чуть мелковатая, в глаза особо не бросается. А что бросается? Как он поправляет отсутствующую шевелюру? Подумаешь, решил человек сменить имидж и постригся, а привычка осталась. Что еще? Да ничего еще! Хотя… очень характерно, очень характерно, как на азиате, сидит на нем одежда, а ведь этот

человек совсем не похож на азиата.

Они подошли поближе. Опустив голову почти до земли, я принялся активно «греть уши». Я очень хорошо умею слушать, поверьте. Когда-то меня здорово этому обучили.

– …В аэропорт успеваем, не беспокойтесь… – это Островский. И что это он так перед ним лебезит, не пойму? Совсем на него не похоже.

Собеседник не счел нужным ответить.

– Когда вас ждать снова, я к тому, что…

– Не суетитесь, друг мой, спокойно готовьтесь, вас известят, – наконец-то открыл рот тот, неизвестный.

При звуке его голоса меня пробило жаркой волной. Есть, теперь наконец узнал! Если бы я последние годы не так целеустремленно изнурял себя алкоголем, то должен был сделать это гораздо раньше, даже если бы этот человек надел паранджу или нацепил на плечи вместо головы собственную задницу. Когда-то ведь я достаточно подробно изучил его внешний вид, даже со многими возможными вариантами коррекции…

«Ауди» уехала, а я остался сидеть на лавке, обливаясь по?том в прохладное осеннее утро. Загрузив в пересохшую глотку остатки пива, вдруг вскочил и бросился прыжками за остановку. Все выпитое вырвалось из меня настолько бурным потоком, что едва не оказалась снесенной в ближайший океан тихо бредущая по своим делам божья старушонка с продуктовой коляской. Резко, как юная лань, отпрыгнув в сторону, бабка обложила меня шестиэтажным…

Я снял кепку и промокнул физиономию. Эти двое… Надо же, Островский и Чжао вместе и заодно. Ой, как интересно! Выходит?.. Именно, выходит! Я развернулся и галопом поскакал к метро.

С этого, собственно, и началась довольно интересная история с прологом и эпилогом, которую я собираюсь рассказать. И, извините за некоторое многословие. Уж слишком долго я молчал.

Глава 2

Не так уж и ошиблась сексуально оскорбленная дамочка Светлана, обзывая меня прапорщиком. Пятнадцать лет назад я действительно был им, правда, очень недолго.

В личном деле, хранящемся в районном военкомате, черным по-русски прописано, что я, Коваленко Игорь Александрович, 1974 года рождения, образование незаконченное высшее, призван в ряды российских вооруженных сил в 1993 году и уволен оттуда же в 2005 году в запас в звании подполковника с должности заместителя командира войсковой части… по тылу. Беглого взгляда на скупые строки характеристик и аттестаций вполне достаточно, чтобы осознать тот факт, что непобедимая Российская армия от расставания с вышеупомянутым офицером совершенно не пострадала, ибо в течение всей своей службы он только и делал, что пьянствовал, приворовывал да к тому же еще и постоянно попадался. Что-нибудь понимающего в военном деле человека, может, могло бы удивить, как же такой пьяница и ворюга умудрился в столь юном возрасте пролезть аж в подполковники, а могло бы и не удивить. В нашей армии сейчас никого этим не поразишь, сильно пьющие подонки, случается, взлетают много выше и стремительнее.

Я и в самом деле подполковник запаса, но прошу поверить: за все двадцать с копейками начисленных лет выслуги не украл ни единой солдатской портянки и не толкнул налево ни банки казенной армейской тушенки. Меня действительно выперли, но из организации, гораздо более серьезной, нежели службы тыла всех армий мира, вместе взятых. А в военкомате находится так называемое «третье» личное дело, то есть добросовестно скроенная и даже выдерживающая проверку «липа».

Как и многим другим, в восемнадцать мне совершенно не хотелось во солдаты, но у мамы денег на «отмазку» не было, а удачливый коммерсант-отчим как раз в то время вложил всю имеющуюся наличку в евроремонт новой, только что приобретенной квартиры в самом престижном районе нашего городка. Поэтому я уехал в Москву и там довольно быстро влился в одну охранно-бандитскую структуру. В то время страна была битком набита подобного рода мутными конторами с крохотным уставным фондом и очень ограниченной уголовной

ответственностью за что-либо совершаемое. Порой невозможно было без микроскопа определить, где заканчивалась собственно охрана и начинался ничем не прикрытый бандитизм. И наоборот. Веселое было время, и мы все под стать ему.

Через год я ненадолго завернул домой, навестить маму с сестренкой, и в первую же ночь за мной пришли менты и люди в красивых защитного цвета мундирах. У еще тогда не перешедшего из бизнеса в политику маминого мужа лишних денег опять не оказалось, на сей раз он затеял строительство дома за городом у озера. Подозреваю, кстати, что именно он, по причине природной подлости, позвонил куда надо и сообщил о моем приезде.

Так я все-таки стал военным и попал в окружную бригаду спецназа: медицинскую комиссию привело в умиление состояние моего здоровья, а «покупателей» в погонах приятно поразило наличие у призывника Коваленко И. А. шести первых спортивных разрядов и аттестата об окончании английской спецшколы.

Через год меня перевели и, что интересно, опять в спецназ, но на сей раз в очень и очень серьезный. Вообще-то в нем должны были служить только офицеры, но к 1994 году их уже не хватало, кого выгнали, а кто плюнул и ушел сам. Вот и латали дыры солдатиками срочной службы.

– Назови мне, Коваленко, слово на букву «Т», – с ходу в лоб огорошил меня при знакомстве командир группы подполковник Волков – высокий, спокойный мужик, совсем седой в свои тридцать с копейками.

– Танк!

– Еще!

– Тринитротолуол!

– Слишком сложно. Еще!

– Тупица!

– Дошутишься, еще!

– Тихий!

– Тихий, говоришь? Ладно, пусть будет Тихий.

– Что будет, товарищ подполковник?

– Отвыкай обращаться по званию, здесь тебе не рота почетного караула.

– А как обращаться? – опешил я.

– Меня называй «командир», а с ребятами сам разберешься.

– А при чем тут Тихий, командир? – поинтересовался я.

– Это теперь твой позывной. Мои соболезнования, Тихий.

– По какому поводу?

– Сам скоро поймешь.

И я действительно очень скоро все понял, потому что попал в самый настоящий ад.

Целый месяц нас, троих срочников, Витьку Аргунова – позывной Дрозд, Димку Городова – позывной Синий и меня гоняли как распоследних сидоровых коз, пытаясь как-то вживить в состав группы. Потом я уразумел, что делалось это исключительно ради нас самих: сразу отсеять ненужных и дать шанс уцелеть оставшимся. Через три месяца после зачисления в группу и мне довелось побывать в деле. Не беда, что тогда я был, честно говоря, всем в обузу, зато вернулся на базу живым и не поцарапанным. Хотя и вусмерть перепуганным.

А поначалу все было, мягко говоря, очень и очень хреново. С первого же дня нас буквально придавило и размазало по окружающему пейзажу от непосильных физических и умственных нагрузок. Уставали мы настолько, что однажды

втроем так и вырубились в столовой, даже забыв поесть. Думаю, что если бы мне в один прекрасный вечер пришла в голову мысль повеситься и разом покончить со всеми этими муками, то суицид не состоялся бы исключительно потому, что не хватило бы сил, чтобы поднять руки и закрепить брючный ремень на каком-нибудь сучке.

Еще очень страдало самолюбие. Все мы считались не последними бойцами у себя в бригадах. Очень, знаете ли, приятно было наблюдать, как «гестапо» (так мы промеж себя называли занимавшихся наравне с нами молодых офицеров из группы) по окончании ежедневной пытки как ни в чем не бывало шли пить пиво, играть в волейбол или с разрешения командира срывались на ночь к бабам.

Через месяц отсеялся Витька, в одно прекрасное утро он просто не смог или не захотел встать по подъему. Еще через две недели прошли контрольные итоговые учения, по результатам которых был отправлен назад в часть Димка Городов – самый мощный и выносливый среди нас троих. Правда, немного тугодум.

А я задержался в группе. Поначалу казалось, что ненадолго, а потом как-то втянулся. Меня даже начали осторожно похваливать.

– Нападай, Тихоня! – весело скомандовал щуплый на вид паренек Гоша Рыжиков – позывной Шмель. Лейтенант двадцати одного года от роду, самый молодой офицер в группе. Он всегда называл меня так.

Я шагнул вперед и тут же упал. Не совсем удачно заблокировал пинок по ребрам, перекатился, вскочил. Обозначил удар ногой по среднему уровню, а сам попытался пробить «двойку» в голову. Опять, черт, упал. Поднялся, увернулся от удара и, разорвав дистанцию, попытался взять захват. В итоге сам попался на зверский болевой.

– Молодец, – похлопал меня по плечу Гоша. – Растешь на глазах.

– Нашел молодца, – огрызнулся я, баюкая левую руку. – Уделал как дошкольника и еще издевается.

– Не скажи, – на полном серьезе возразил он, – сегодня ты, между прочим, не только защищался, но и даже попытался что-то изобразить.

– А толку? – скорбно спросил я. Зверски болели рука и задница, на которую меня несколько раз очень чувствительно посадили.

– Видел бы ты меня два года назад, – хмыкнул Гоша, – говорю, молодец, значит, молодец.

Со временем мы сдружились и даже несколько раз удачно сработали в паре. А в 1999-м Рыжикова задействовали в какой-то особо секретной операции, и он погиб. До сих пор не знаю, где, как и почему.

В середине 1994 года Волков отправил меня на две недели в отпуск. Я вернулся из него на три дня раньше срока и тут же написал рапорт. Получил звание «прапорщик» и был направлен в единственное оставшееся на всю страну учебное подразделение в Сибирь. Через восемь месяцев закончил ту учебку с отличием, единственным из пятнадцати человек, и мне по традиции предоставили право выбора дальнейшего места службы. Я выбрал группу подполковника Сергея Волкова – позывной Бегемот – и шесть лет с небольшими перерывами на учебу отбегал в ней. Сначала самым молодым и зеленым, затем старшим «тройки». Теперь и я уже был «гестапо» для кое-кого из молодняка.

В 2001-м, когда из Главного управления запросили одного человека для работы в недавно созданном спецподразделении, Сергей рекомендовал меня. На новом месте дела резко пошли в гору, спасибо Волкову. Через два года я стал командиром подразделения. В тридцать был уже подполковником с серьезным послужным списком и без единого проваленного мероприятия. К 2006 году не без основания рассчитывал получить полковника и возглавить второй отдел нашего управления, настоящую кузницу генеральских кадров (трое из четырех, командовавших в свое время им, стали генерал-майорами, а один – генерал-лейтенантом). Короче, любимец начальства, кум королю и сват министру. Судьба подшутила надо мной неожиданно и очень зло.

Та с треском проваленная операция в Южной Америке не только прихлопнула, как мухобойкой, мою до того успешную карьеру, но и поделила пополам жизнь на «до» и «после». Мое подразделение было направлено в одну тихую страну в Западном полушарии в распоряжение героя-разведчика Островского, не первый год работавшего в регионе. Поставленная задача была простой и ясной: захватить, а при невозможности захвата уничтожить одного славного человека, известного в определенных кругах как Режиссер. До сих пор помню кое-что из

его биографии.

Чжао Шицюань, 1963 года рождения, русско-китайский метис, уроженец города Хайлар, автономный район Внутренняя Монголия, Китайская Народная Республика. Как все метисы, имел и русские фамилию, имя и отчество (Разгильдеев Алексей Федорович). В 1981 году вместе с семьей переехал на постоянное место жительства в СССР. В следующем году был принят на факультет режиссуры театрализованных форм досуга Института культуры города Улан-Удэ, в 1983 году перевелся в Московский институт культуры. В то же время попал в сферу интересов советских спецслужб и прошел довольно-таки серьезную подготовку. В 1989 году по время спецкомандировки пропал, как в воду канул.

Вынырнул он в середине девяностых и серьезно заявил о себе терактом в Северной Африке. Потом были Турция, опять Африка, теперь уже Западная, и Юго-Восточная Азия. Все до единой разработанные и проведенные им акции отличались доходящей до абсурда оригинальностью сюжета, четкой скоординированностью по месту и времени и отлаженной, как швейцарские часы, работой всех задействованных лиц. Сам он, к слову, никогда не нажимал на курок, зато имел в подчинении группу прекрасно подготовленных профессионалов. Руководил ими через немногочисленных доверенных лиц, которых время от времени заменял «по естественным причинам».

Артистичный прагматик, толковый психолог, прекрасный вербовщик, до предела обаятельный сукин сын. Тонкая, блин, артистическая натура. Всем этим он и заслужил в определенных кругах гордое погоняло Режиссер.

Абсолютно равнодушный к политике, работающий строго под заказ, исчезающий и вновь появляющийся внезапно, он превратился в настоящую головную боль для спецслужб многих стран. Его пытались поймать, но без успеха. В конце прошлого века он дважды отметился в России. Отработал и красиво ушел вместе со всей своей командой.

После долгожданного ухода на пенсию царя Бориски Кремль проветрили и освободили от стеклотары. Страна потихоньку начала жить по-новому. Спецслужбы наконец прекратили заниматься исключительно помощью Березовскому в святом деле борьбы с Гусинским и наоборот, а вернулись к своей основной работе.

В 2004-м нам повезло. Один ловкий парень смог законтачить с доверенным сотрудником Режиссера. Правда, он очень скоро куда-то делся, но следок-то остался. Мы обнаружили этого творца ровно через год в одной тихой латиноамериканской стране. Почему, спросите, тихой? Да потому, что там годами ничего яркого не происходило. Пришедшая к власти в конце девяностых группа высших армейских офицеров железной рукой навела порядок, разогнала легальную оппозицию и просто перебила всех революционеров, социалистов и прочих «истов». Тамошнее правительство, как и все другие в регионе, не питало особой любви к Соединенным Штатам, однако в отличие от соседей по континенту совсем не стремилось слиться в дружеских объятиях с Россией, напротив, упорно от них уворачивалось. Да, едва не забыл – эта страна никого никогда никому ни по каким запросам не выдавала. Мистер Чжао, он же Леша Разгильдеев, знал, где обустроить лежку…

Меня повезли на совещание прямо из аэропорта, не дав поесть и помыться с дороги. Полковник Вадим Островский, красавец, атлет и просто крутой до жути мужчина, рыл рогом землю и бил в нетерпении копытом.

– Работаем! – с места в карьер заявил он. Я сразу же почувствовал себя героем индийского боевика и стал ждать, когда же заиграет музыка, а мы оба пустимся в пляс.

– Когда?

– Сегодня ночью.

– Где?

– В его особняке. – И он выложил на стол один-единственный листок бумаги с какими-то каракулями.

– Что это? – Я ткнул пальцем в один из фрагментов так называемого плана.

– Ограда.

– А это?

– Дом, что, сам не видишь!

– Что вы знаете о датчиках и ловушках по периметру?

– Какие, на хрен, датчики? Ты бы еще о спутниках-шпионах спросил!

– Что известно о его охране?

– Всего пять или шесть человек, все с пушками.

– Так пять или шесть? И потом, где подробный план здания? Что находится внутри?

– Послушай, военный. – Он картинным жестом поднял на лоб темные очки и жестко посмотрел мне в глаза. – Если боишься, так и скажи. Дай мне пару своих ребят и топай пить пиво в гостиницу, я сам все сделаю.

– Давайте не будем торопиться, – предложил я, изо всех сил стараясь не сорваться на вульгарный мат.

Этот Островский мне сразу очень не понравился. Вообще-то такие рубахи-парни и супермены вызывают восторг исключительно у дамочек бальзаковского возраста и у той части руководства, которая судит о нашей работе исключительно по отчетам таких вот островских. А еще смотрит боевики по телевизору: Рембо в Афганистане или Настя Заворотник в тылу врага. Лично я, воспитанный на принципах разумной трусости, перед тем как засунуть куда-то голову или какую другую часть тела, стараюсь все-таки осмотреться. Ребят ему подавай, щас! За годы командования подразделением я не потерял ни одного человека и совсем не собирался нарушать эту традицию в угоду кому бы то ни было.

– И что ты собираешься делать? – хмыкнул он.

– Подумаю.

В следующий раз мы встретились через три дня.

– Ну что, – сурово спросил меня настоящий полковник, – подумал?

– Подумал, – не стал спорить я.

– Осмотрелся?

– Да.

– Ну и как тебе мой план?

– Никак.

Все это время мы с ребятами не спускали глаз с клиента, изучили систему его охраны и, к собственному удивлению, убедились в полном отсутствии как системы, так и самой охраны как таковой. Никаких камер, датчиков, растяжек, сигналок, медвежьих капканов и даже сусличьих норок. Пятеро, иногда шестеро сонного вида молодых людей, бездарно изображающих охранников и телохранителей. По ночам все они дрыхли, четверо на койках в караулке, а двое – сидя за столами в комнате на первом этаже слева от центрального входа. Как говорится, приходите, люди добрые! Именно по этой причине я решил в дом не соваться. Не люблю, знаете ли, заявляться туда, куда меня уж очень настойчиво приглашают.

– Тогда перехватим в городе, – предложил он и сам тут же устыдился сказанного. Какой, к черту, перехват на узких, забитых народом улицах. Даже если и цапнешь клиента, все равно не уйти. Да и полиции на автомобилях полным-полно.

– Дайте мне еще пару-тройку дней, я еще подумаю…

– А тебе не кажется, паренек, что ты слишком много думаешь?

– Думать надо как можно чаще, – выдал я одну из бесчисленных поговорок друга Сергея Волкова, бывшего опера ГРУ Сани Котова, – тогда это войдет в привычку.

– Скажи мне, сынок, – тут он попытался схватить меня за рукав, но я увернулся, – ты давно не получал по мордашке?

– Терпеть не могу махать кулаками, – сознался я, честно глядя в глаза товарищу полковнику, – но никогда не отказываюсь, если предложат.

На этой высокой ноте мы и расстались.

К следующей нашей встрече я наконец надумал.

– Что это? – недоумевающе спросил Островский, глядя на план.

– Французский ресторан «Мишель». Наш клиент регулярно здесь ужинает через день на второй – никогда бы не подумал, что русско-китайский метис так любит французскую кухню.

– И народу там небось как в родном метро поутру.

– Не сказал бы. – Я успел пару раз побывать в том самом ресторане и как следует осмотреться. Видел, кстати, нашего красавца, ужинавшего в компании жгучей брюнетки а-ля Кармен (охрана ждала его в машинах у входа), и даже послушал, как эти голубки воркуют. Голос Режиссера с тех пор врезался мне в память, вот почему я и вспомнил его четыре года спустя. Человеческий голос, как и отпечатки пальцев, строго индивидуален, изменить его никакими операциями невозможно.

– Вы собираетесь войти следом за ним?

– Нет, будем ожидать его в ресторане.

– Все равно мой план проще и эффективнее.

– Не спорю, но действовать будем по-моему.

Островский связался с Центром, Москва подумала и выдала соломоново решение: операцией по-прежнему руководит товарищ полковник, а место, время и порядок действий определяет командир подразделения, то есть я.

После этого он как-то очень скоро успокоился. Вдвоем мы быстро довели дело до ума. Товарищ полковник въедливо вникал во все детали и даже подбросил по ходу дела пару остроумных идеек, которые я с благодарностью принял. В итоге мы помирились, и он даже соизволил признать некоторые положительные стороны моего плана.

– Однако же удобно этот кабак расположен. – Островский ткнул ручкой в крупномасштабную карту. – Сколько до шоссе, полкилометра?

– Шестьсот пятьдесят метров.

– Плюс три дороги: к морю, национальному заповеднику и перевалу. Уходить будете вот по этой, угадал?

– Верно, – ответил я. У меня было несколько другое мнение касательно маршрута отхода, но такие интимные подробности я всегда предпочитал держать при себе, – угадали.

– Хрен успеют перекрыть. Молодец!

– Рад стараться, – гаркнул я, и мы оба расхохотались.

За полтора часа до прибытия клиента мы начали просачиваться в ресторан поодиночке и мелкими группами. Заняли позиции вокруг его излюбленного места, отгороженного от общего зала ширмочкой столика в углу. Сделали заказы, обозначили гастрономический энтузиазм и принялись ждать. Нас было шестеро, двое оставались снаружи, Островский со своими людьми ждал в условленном месте.

Минут за двадцать до приезда Режиссера я подал сигнал тревоги, как-то уж больно активно замельтешили вокруг моего столика сразу двое незнакомых мне официантов, крепких молодых мужиков. И потом, очень не понравились короткие, время от времени бросаемые в мою сторону взгляды дамочкой из несколько натужно веселящейся компании за столиком напротив. Смотрела, как будто брала на прицел. Мы схватились за пушки, и это нас спасло, к сожалению, не всех.

Как я понял, люди в ресторане собирались поступить с нами точно так же, как мы с тем Чжао: захватить, а в крайнем случае – уничтожить. Не успела мадам вскинуть ствол, как я всадил в нее две пули и перевел огонь на официантов. Сразу после этого к веселью присоединились остальные, и пальба в кабаке поднялась очень даже нешуточная.

И все-таки они нас не взяли. Мы положили всех их и ушли, забрав с собой убитых, Саню Коновалова, Петра Клименко и моего тезку, Игоря Павловского. Раненый в грудь Женя Сироткин вышел наружу сам и вырубился уже возле машины. У нас вообще не принято бросать убитых и раненых.

Домой мы добирались поодиночке. Я прилетел в Москву последним, потому что сначала возился с Женей, а потом, в нарушение всех инструкций, тупо вернулся обратно, чтобы закрыть вопрос с Режиссером самостоятельно. Напрасно вернулся, ждать он, естественно, не стал.

Зато меня с нетерпением ожидали в родной конторе. Бодро закрутилось служебное расследование, на горизонте замаячил трибунал. Из лучшего командира в управлении спецподразделения я быстренько превратился в самонадеянного упертого самодура, тупого непрофессионала, слона в посудной лавке. Рапорта Островского и, что самое обидное, моего собственного зама и приятеля, Кирилла Крикунова, документально это подтвердили. Я и не пытался оправдаться, потому что знал, что виновен, какие, к черту, могут быть оправдания у потерявшего троих бойцов командира. До конца разбирательства меня отправили на загородную базу, где я и провел две недели в отведенной мне комнате, лежа в койке и бессмысленно таращась в потолок.

До трибунала дело не дошло – в нашей организации не принято выносить сор из избы. Меня вернули в Москву, но дальше прихожей в родной конторе не пустили. Какой-то двадцать седьмой помощник начальника Главка в чине полковника сообщил мне через губу, что я уволен в запас, согласно собственноручно написанному три месяца назад рапорту и даже удостоен смехотворной пенсии.

– Вы же понимаете, Коваленко, – процедил он, вручая мне бумажный пакет с какими-то документами.

Все я прекрасно понимал. Здоровый и бодрый организм российской военной разведки просто-напросто исторг меня из своих плотных рядов, как изгоняют

залетевшую и заразившую всю округу триппером монашку из святой обители.

Я взял документы и молча вышел. Так я стал отставным тыловиком и сразу же перестал жить, потому что жизнь – это что-то большее, чем вдохнуть-выдохнуть, поесть-попить, поспать, а потом проснуться, погадить и начать все сначала.

Кстати, о попить. Очень скоро выяснилось, что единственный способ избавиться от ночных кошмаров – это как следует залить в трюмы чего-нибудь спиртосодержащего. Или просто не спать. Вот так я и стал контролером.

Надеюсь, теперь вы понимаете, что почувствовал я, увидев Режиссера рядом и чуть ли не в обнимку с Островским – человеком, вместе с которым я должен был этого деятеля упаковать или просто упокоить. Наша случайная встреча (я ведь мог потопать к метро или плюнуть и сесть в машину к Светлане) – лишнее для меня подтверждение того, что ОН все-таки есть. А раз так, пусть пребудет со мной, чувствую, что ЕГО помощь мне еще ох как понадобится.

Глава 3

Хорошо жилось на Руси лет эдак триста назад. Заметишь, бывало, какой-нибудь непорядок, остановишься, раскроешь рот пошире да как заорешь: «Слово и Дело Государево!» Сразу же как из-под земли появятся служивые и поволокут тебя, сердечного, в Тайный приказ. Там для порядка навесят, конечно, пару раз по сусалам, зато потом обязательно спросят: «Чего такого углядел, голубь?» – а сами внимательно выслушают и даже запишут.

Я, конечно же, ожидал, что в некогда родной конторе меня встретят мордой об стол, но чтобы так… Встретили, откровенно говоря, просто никак, точнее, никак не встретили, в полном соответствии со словами того попки в погонах, единственного участника моих торжественных проводов из разведки к едрене фене. Он, помнится, достаточно прозрачно намекнул, дескать, будешь мимо проходить, проходи не задерживаясь, рады тебе не будем, ты теперь не наш, а если честно, то никогда им и не был. Чтобы прокричать то самое «Слово и Дело», я позвонил семерым.

С тремя просто не соединили, двое, услышав мой голос, сразу же бросили трубку. Один посоветовал плотнее закусывать и перестать мешать водку с портвейном. Последний, выслушав лепет о деле государственной важности, тут же предложил сделку: его порученец выносит мне аж триста рублей, я беру денежку, ухожу и больше никогда не возвращаюсь.

Остановившись перед зеркалом в бюро пропусков, я поправил ремешок сумки, а заодно полюбовался отраженным в нем собой: потертые джинсы, раздрызганные кроссовки, дешевая куртка из кожзаменителя (ни в одну приличную шмотку из прошлого гардероба я уже просто не влезал), встрепанные, давно не стриженные волосы и лицо, вернее морда, при виде которой можно без проблем догадаться, что обладатель ее если еще не спился, то находится на правильном пути к этому. Я вздохнул и двинулся к выходу.

– Игорь! – Надо же, Кирилл Крикунов, Кира. Бывший зам и бывший очень хороший приятель. Все еще майор. – Ты как? – спросил он, подойдя поближе.

– Замечательно, можно сказать, прекрасно, – бодро ответил я, – смотрю, и ты процветаешь.

– Да уж. – Процветал он действительно неслабо, совсем как я, если посмотреть на лицо и в глаза. Еще больше о положении дел бывшего чистюли и франта говорила его форма, вернее ее состояние. Любому, хотя бы пару месяцев проходившему под погонами, беглого взгляда было достаточно, чтобы сделать вывод о том, что майор Крикунов К. Л. плотно «сидит на стакане», а еще ему давно и глубоко насрать на все и на всех. А в первую очередь на самого себя. – Какими судьбами?

– Предложили, понимаешь, пост председателя правления «Газпрома», вот и зашел за характеристикой. Как думаешь, дадут?

– Обязательно, – кивнул он.

– Тоже очень на это надеюсь. – И, обойдя его как шкаф, продолжил свой путь, гордый и красивый, как корабль революции бронетемкин Поносец, тьфу, черт, броненосец «Потемкин» под красным флагом.

– Игорь!

– Ну, что еще?

– Поговорить бы.

– Обязательно, – не стал отказываться я, – запишись на прием у секретаря, а лучше подъезжай ко мне в офис на Наметкина. Приму по-царски.

Я остановился возле кофейни у метро, четыре года назад, помнится, здесь был очень даже неплохой книжный магазин. Поразмышлял секунду, потом потянул на себя дверь и вошел. Сел за столик справа у стенки, полез в карман за сигаретами.

– Спиртное не подаем.

– А? – Я поднял глаза. Передо мной стоял мелкий отрок, черноволосый и румяный. В форменной темно-красной рубашечке с галстучком и черных брючатах. Поверх них красовался небольшой кокетливый фартучек с оборочками.

– Спиртное, говорю, не подаем, – повторил парень, и я прочел в его черных глазах гадливое презрение работника приличного заведения недалеко от метро, в перспективе – менеджера, к пьяни и полному лузеру по жизни, то есть персонально ко мне. – …И пиво тоже.

– Вообще-то я пришел выпить кофе.

– Растворимого не держим.

– Кто же пьет растворимый, Рустам! – вскричал я, сверившись с бейджиком на левом кармане рубашки этого красавца. – Принеси-ка мне кофе по-аравийски. Берутся, ну, ты знаешь, хорошо прожаренные зерна…

– У нас такого нет, – слегка опешил он.

– А что у вас есть?

– Эспрессо, капучино, американо…

– Деревня Ежики… Ладно, так и быть, двойной эспрессо и коричневый тростниковый сахар.

– Какой?

– Тростниковый, – любезно пояснил я, – это который делается из тростника. Не самый сладкий, конечно, зато придает кофе неповторимый специфический вкус.

– У нас сахар только в пакетиках.

– В пакетиках, – передразнил я, – ладно, волоки что есть… – и буркнул вслед: – Наберут, блин, по объявлению…

Наглядно доказав таким образом юному Рустаму, что в Москве полно дураков и хамов еще больших, чем он сам, я бдительно отследил процесс приготовления напитка, опасаясь, что обидчивый горец постарается туда плюнуть. Дождался заказа, добавил по вкусу сахара, размешал и сделал первый осторожный глоток. Мм, интересно, забытый вкус. Когда-то я просто обожал кофе, а теперь не особо-то и впечатлило. То ли в этой забегаловке его просто не умеют готовить, то ли за последние годы я слишком привык к пиву с водочкой.

Залпом прикончил чашку со ставшим неродным напитком и тут же заказал еще одну, в надежде расшевелить, вернее, разбудить дремавшие столько лет мозги.

В конторе случился полный облом, а чего еще я ожидал? Если честно, кое на что все-таки надеялся. Еще год назад тот же генерал Фомичев, старый, битый жизнью волчара, уж точно нашел бы для меня минуту-другую, но это было бы год назад. А сейчас беседа не состоялась, потому что с тем местом, где он находится, телефонной и прочей связи нет. В прошлом году Николая Серафимовича скосил инсульт, профессиональная шпионская болезнь. Меня даже не позвали на похороны. Занявший его место Миша Дворецков не нашел ничего лучшего, как предложить мне обогатиться на триста рэ и убраться на фиг.

Ладно, с бывшей конторой каши не сваришь. А с кем сваришь? Что скажешь, голова?

– Выпей пива, – огрызнулась та, – и иди спать.

Спать? Размечталась. Ладно, не хочешь по-хорошему… Когда-то мне неплохо думалось на ходу, по-моему, настало время повторить упражнение.

– Рустам, счет, силь ву пле!

Вынырнул на поверхность на «Китай-городе», перешел через дорогу и оказался на Солянке. Пересек ее и поплелся дальше, куда ноги вели. Прошел по Абрикосовой, свернул на Виноградную и на Тенистой улице постоял в тени, а заодно и под дождем.

– Есть что сказать, а, голова?

– Вам звонок по второй линии, – нелюбезно откликнулась та. Действительно, трезвонил желудок, настойчиво требовал чего-нибудь поесть и обязательно водки.

Заглянув в ближайшую кафешку, я забросил вовнутрь себя салат и котлетку с гречневой кашей.

– Уже лучше, – промурлыкал желудок, – а где же водочка?

– Перебьешься, – отрезал я, – не занимай линию, – и огорчил его стаканом томатного сока.

– Какая гадость! – пробурчал он и отключился. Я закурил и заказал кофе.

– Голова, где ты, ау-у?!

– Чего тебе?

– Просыпайся!

– Зачем?

– Как – зачем, думать будем, что делать, куда идти.

– Знаешь что, а пошел бы ты на…

– Попрошу без хамства.

– Ты действительно хочешь знать, что делать?

– Конечно!!!

– Ну, тогда пойди и удавись.

– Но-но!

– Что – но-но, еще не понял, дебил, что ты в полной жопе? Успокойся, накати граммов двести и греби домой спать. Кстати, звонили ноги. Они устали.

Если серьезно, сообщение насчет жопы и меня в ней по саму маковку было чистой правдой. Идти мне действительно было некуда и не к кому. Хотя, конечно, проформы ради можно было изобразить бурную деятельность и бодренько пробежаться по инстанциям.

Например, в ФСБ. Записаться в приемной на Лубянке, подождать немного и изложить наболевшее одному из «дежурных по стране». Тот как глянет на мою пропитую рожу, так сразу же и поверит. Вызовет десять мотоциклеток с пулеметами, и все дружно направятся ловить иностранца, а меня оставят на связи в ближайшей «дурке». Рассказами о Режиссере я никого там не удивлю: два года назад штатники раструбили на весь мир о его ликвидации и даже сняли об этом фильм с Анжелиной Джоли и Робертом Де Ниро. Отечественные спецслужбы тоже не остались в стороне: уничтожили изверга годом позже и скромно отчитались об этом подвиге перед всем прогрессивным человечеством.

Тогда, может, в полицию? Даже не смешно. К сведению сохранивших иллюзии: это давно уже чисто конкретная бизнес-структура, и люди там заняты очень серьезными делами. Не верите? Тогда пройдите мимо околотка по месту

собственного жительства и посмотрите, какие машины стоят на площадке перед ним. Посмотрели? То-то и оно, не хуже, чем перед офисом «Газпрома», куда меня так усиленно зазывают. Нет, конечно, среди тамошних орлов можно встретить честных, болеющих за дело и страну людей, настоящих профессионалов. Не берущих взяток, не шьющих дел из материалов заказчиков и не отстреливающих по пьянке собственных соотечественников. Передвигающихся по Москве исключительно в общественном транспорте и на своих двоих. Может быть, мне даже повезет, и я попаду именно на такого опера, Володю Шарапова из кино моего детства или, там, Ларина-Дукалиса-Соловца. В задумчивости теребя застиранный воротник дешевенькой рубашки, он внимательно выслушает меня, сделает пару звонков. Положит трубку, поднимет пронзительные, чуть красноватые от недосыпа глаза, развернется и с большим удовольствием треснет мне по морде, а потом прогонит на пинках до самого выхода. Или окунет до утра в обезьянник к бомжам. И будет, между прочим, абсолютно прав, потому что не поверит. Я и сам бы на его месте не принял на веру шпионские байки отставного спившегося тыловика. Значит, компетентные органы тревожить не будем, себе дороже.

Дождь закончился. Я стоял на мосту над Москвой-рекой, любуясь игрой солнечных лучей в свинцово-мутной воде. Ныли ноги, что-то обиженно бурчал оскорбленный и обманутый желудок, натужно пыхтели отвыкшие от работы мозги. Зазвонил телефон в кармане куртки.

– Что?

– Спишь? – ехидно полюбопытствовало начальство.

– Уже нет.

– Выйдешь завтра на смену вместо Араика.

– И не подумаю.

– Прапор, тебе, что, работать надоело?

– Надоело – признался я.

– Ну так увольняйся!

– Уже.

– Что уже?

– Уже уволился.

– Погоди, когда уволился?

– Только что.

Она заорала в голос, а я разжал пальцы, и аппарат, продолжая изрыгать вопли, полетел вниз. Красиво вошел в воду, булькнул и пошел ко дну.

Этим нелепым поступком я, фигурально выражаясь, сжег за собой мосты. Никуда я не пойду и никого утомлять не буду. Это мое дело, и только мое. Все, я больше не контролер в занюханной продуктовой лавке. Я – мститель Зорро, бесстрашный и беспощадный.

– Пива, – безнадежно прошептал желудок.

Никакого, черт подери, пива, в войсках объявляется сухой закон. Чай, в меру кофе, здоровое питание, физкультура. Да-да, именно физкультура!

– Клоун, – поставил диагноз мозг. Я бросил окурок вслед за телефоном и заторопился к метро.

Уважаемые люди из фильмов о мафии, перед тем как открывать боевые действия против других, не менее уважаемых людей, обязательно направляются в какое-нибудь тихое место и «залегают на матрасы». Пришло время и мне ехать на Рублевку. Говоря об этом месте на глобусе, я вовсе не имею в виду жалкий многоэтажный особняк за высоким забором по соседству с не менее скромными избушками лучших представителей отечественной элиты: выдающейся писательницы Роксаны Обски, депутатов, менеджеров Пенсионного фонда, полковников ГИБДД и майоров из военкоматов. Всего-навсего комната в блочном доме в десяти минутах неторопливой ходьбы от метро «Кунцевская». Пять лет

назад, бесцельно шляясь по Москве, я стал свидетелем того, как двое здоровяков пытались затащить в джип визжащую, отчаянно отбивающуюся женщину, и пришел на помощь. Через минуту мы с ней отчалили оттуда в принадлежавшем ей «Порше», оставив тех двоих и водителя джипа валяться на асфальте. Один из этих чудиков попытался было треснуть меня дубинкой-раскладушкой, а водила достал «травматик», вот я и не стал их особо жалеть. Смешные люди, пять лет назад я, не особо напрягаясь, уделал бы народ и посерьезнее.

Я вел машину, а моя спутница сидела рядом, тихонько всхлипывая. Впрочем, она довольно-таки быстро пришла в себя.

– Козел! – с чувством произнесла дама и полезла в сумочку за сигаретами.

– Что вы сказали? – удивился я.

– Козел, говорю. – Она глубоко затянулась и выпустила в лобовое стекло плотную струю дыма. – Сука, гад паршивый, – снова затянулась и продолжила с большим воодушевлением и знанием лексики: – Лимита сраная, урод, импотент, пидор!

– Простите, это все обо мне?

– Ну что ты, – глянула в зеркальце у лобового стекла и поморщилась. – …За перекрестком налево.

В ресторане она ненадолго отлучилась и вскоре вернулась во всей привычной красе: симпатичная, очень ухоженная бизнес-леди под сорок, а может, и чуточку за. Мы посидели за столиком в углу, немного выпили (я – кофе, моя спутница – двойной виски) и поболтали. История оказалась простая, как предвыборная программа КПРФ, и типичная, как тот тип в подземном переходе. Бывший компаньон и бывший любовник вдруг опять воспылал чувствами и вызвал даму на романтическое свидание посреди рабочего дня. Она торопливо почистила перышки и поскакала, только в условленном месте ее ожидал не красавчик Руслан, а его «крыша». Что случилось дальше, вы уже знаете.

Потом я отвез ее на работу. Моя новая знакомая прямо из машины сделала пару звонков, и я понял, что лучшим выходом для того Руслана было бы немедленно

спуститься в ближайшее метро и там броситься под поезд. Самому.

– Мы так и не познакомились, – вспомнила она, когда я, миновав шлагбаум, заехал на стоянку перед симпатичным трехэтажным зданием офиса, – для тебя я – просто Лариса.

– Очень приятно, просто Игорь.

– Не такой уж ты и простой мужик, Игорек, – заметила она. – Работать ко мне в охрану пойдешь?

– Спасибо за предложение, не могу.

– Тогда подожди здесь, я тебе денег вынесу.

– Не надо.

– Что же с тобой делать, в любовники, что ли, взять? – задумчиво проговорила она, критически разглядываю мою абсолютно заурядную физиономию. – Нет, не подойдешь, староват. Ладно, – видать, все для себя решив, заявила просто Лариса, – если уж так, то приезжай сюда завтра в это же время. Есть один вариант.

Вариантом оказалась оформленная на нее комната в двенадцатиэтажке на том самом шоссе, первая недвижимость, приобретенная ею, тогда еще просто кооператоршей, и сохраняемая исключительно как память о веселом и лихом прошлом. Отказываться от такого роскошного подарка я не стал, просто попросил щедрую дарительницу пока не оформлять жилье на мое имя.

– Как скажешь, – пожала она плечами, – ты хозяин, тебе и решать.

Так у меня появилась лежка в Москве, о существовании которой никто не знал и никогда не узнает. Я отправился туда, даже не заезжая к себе. Если уж я разглядел этих двоих, то и они запросто могли обратить внимание на алкаша у остановки. Домой теперь получится вернуться только в случае полной и безоговорочной победы или вообще не получится, как уж карта ляжет.

Глава 4

Когда я подошел к дому, уже стемнело. Открыл дверь, вошел в прихожую, прислушался к несущимся из кухни воплям и хмыкнул: все как всегда. К соседке, компьютерной умелице Нине, опять пришел в гости бойфренд Марат, точно так же, как и она, шизанутый на «железе» чудик. Теперь они опять будут орать до полуночи о «дохлых мамках», «перегретой памяти» и каких-то блоках, которые «ни хрена не тащат», пить пиво и спорить до хрипоты. Иногда дело доходит до рукопашной, и тогда Марат гордо уходит, но очень скоро опять возвращается, потому что у них любовь. К чему, интересно? Если бы они с таким остервенением любили не бездушную технику, а друг друга, уверен, давно бы заполонили плодами этой самой любви всю Москву и ближнее Подмосковье.

Войдя на кухню, я привычно пригнулся и очень правильно сделал. Прямо над головой, чуть коснувшись волос на макушке, пролетела пудовая ладонь: во время дискуссий Нина просто-таки обожала размахивать конечностями. Хорошая она баба, умная, незлая, только уж больно здоровая. На полголовы выше меня и весом под сто кило. Думаю, если бы она вздумала заняться спортом, к примеру тяжелой атлетикой, то максимум за год выбилась бы в чемпионки.

– Добрый вечер. – Я прошел внутрь и осмотрелся. За четыре месяца, прошедших со времени моего последнего визита, здесь ничегошеньки не изменилось, разве что прибавилось паутины по стенам да еще больше подкоптился потолок. Уж больно часто хозяйка, с головой уйдя в виртуальный мир, оставляла на огне кастрюли и сковородки.

– Привет, – улыбнулась соседка и чуть сдвинулась в сторону, освобождая проход. Темноволосая, румяная, симпатичная, мечта любителя крупных форм. Одетая просто и по-домашнему: в шлепанцы и слегка прикрывающую пышные бедра футболку.

Экипированный еще скромнее (исключительно в бакенбарды и очки на носу) Марат чуть привстал из-за стола и протянул руку:

– Здорово.

Всегда удивлялся, как у такого щуплого задохлика (рост под метр восемьдесят, вес не больше шестидесяти двух кило) может быть такой мощный низкий голос, почти бас.

– Как дела?

– Нормалек. Пиво будешь?

– Нет, – собрав волю в кулак и стиснув зубы, прошипел я.

– А то смотри. У нас его как грязи. – И они тут же забыли обо мне. Нина упомянула о каком-то Маратовском «лоховском кряке», а тот в ответ обозвал ее курицей.

Обстановка моментально накалилась. Поставив чайник на плиту, я заспешил прочь. Дело стремительно приближалось к очередной потасовке, а быть избитым за компанию с Маратом в мои планы совершенно не входило.

Заперев комнату изнутри, я порылся в платяном шкафу, извлек оттуда две коробки и поставил на стол. Задернул занавески, хотя окна выходили прямиком в парк и увидеть, что творится у меня на восьмом этаже, могла только парящая над деревьями ворона. Посидел немного, потом закурил и принялся за дело. Раскрыл большую по размерам сумку, в которой хранился весь мой оружейный арсенал, достал и развернул завернутый в промасленную тряпку «Glock 17» – удобную, легкую, несмотря на приличные размеры, машинку, хорошо сбалансированную и очень надежную. Что еще? Четыре коробки с патронами и очень хороший немецкий нож в кожаных ножнах для крепления на предплечье, как я любил когда-то. Однако все. Маловато будет. Вздохнул и уложил все на прежнее место.

Раскрыл коробку поменьше: четыре толстые и одна тонюсенькая пачка долларов, всего сорок две тысячи пятьсот у.е., я даже не стал пересчитывать. Несколько лет назад мы с ребятами помогли одному очень небедному российскому предпринимателю по имени Вася. У него возникли непонятки с партнерами по бизнесу из Юго-Восточной Азии касательно строительства отеля на побережье, и он выехал к ним на переговоры, чтобы лично высказать наболевшее. Переговоры прошли весело и по-российски динамично. В ходе их компаньоны, все как один бывшие соотечественники того самого Васи, в лучших

традициях девяностых навешали ему по мордасам и посадили в подвал на хлеб, извините, на рис и воду. Время от времени навещали страдальца в его узилище, били ногами и настойчиво требовали дополнительного финансирования при полном отказе от возможных дивидендов. Родственники пропавшего подключили связи и административный ресурс, вот нас и послали спасать едва не осиротевший российский бизнес. Без особых проблем разобравшись с потерявшими страх, все еще живущими по понятиям бывшими конкретными пацанами, мы выпустили на свободу изрядно отощавшего, обросшего разбойной бородой, дурно пахнущего Васю, более похожего в тот момент на привокзального бомжа, нежели на успешного предпринимателя.

Надо сказать, что ломать конечности и бить в кровь морды бывший узник не стал. Он наказал бизнес-партнеров несколько иначе. Просто обозвал «потливыми козлами» и тут же заключил с ними новое соглашение, несколько скорректированное по сравнению с предыдущим в связи со «вновь открывшимися обстоятельствами».

Через пару месяцев после этого меня вызвали куда надо и вручили большущий пластиковый пакет.

– Что это?

– Премия.

– ?!!

– От Васи, помнишь такого?

– Признаться, не ожидал.

– Предлагает, кстати, всем вам перейти к нему на службу. Что скажешь?

– Обойдется.

– Грубый ты, Коваленко.

– Не люблю буржуев, – буркнул я. Та командировка хоть и обошлась для нас без потерь, еще долго аукалась рецидивами какого-то редкого местного заболевания. Половина народу, верите ли, переболела, и я в том числе.

– Может, и от денег откажешься?

От денег мы, конечно же, не отказались. На каждого из нас пришлось аж по пятьдесят тысяч «зелеными». Из этой суммы я израсходовал семь с половиной: купил дорогое колечко с сережками маме и сделал классный подарок сестренке на совершеннолетие. Еще я собирался потратиться на свадьбу с путешествием, но резко изменилась моя жизнь, и семейный вопрос как-то незаметно сам по себе рассосался. Так что деньги я сберег.

Кстати, о деньгах. По дороге сюда я посетил несколько банкоматов и ограбил их на триста с копейками тысяч, рублей, конечно же. Это не наследство от дедушки из Усть-Перипердюйска, а моя пенсия, до этого момента ни разу не потревоженная. Я всегда жил скромно и, став контролером, не обзавелся дорогостоящими привычками, а на водку, пиво, сигареты и незатейливую закуску вполне хватало зарплаты.

Меж тем крики на кухне смолкли, зато послышались звуки ударов. Загремели кастрюли, упал табурет. Удачно вырвавшийся на оперативный простор Марат поскакал спасаться в комнату, громко стуча босыми ногами по полу. В медицине это, кажется, называется бегом ради жизни. Хлопнула дверь, щелкнул замок, над квартирой нависла тишина.

Я вышел на кухню. Пригорюнившаяся соседка сидела за столом в позе васнецовской «Аленушки». Той, что на камушке у воды.

– Сбежал, гад, – ответила она на мой не заданный вопрос, – и заперся, козлина.

– Теперь надолго? – лениво полюбопытствовал я.

– Скажешь тоже, – хмыкнула она, – пиво-то все здесь. – И опять умолкла.

Я с отвращением запил чаем пару бутербродов и взялся за телефон. В ту последнюю командировку мы выезжали полным составом, то есть ввосьмером.

Трое погибли, один процветает. Вместе со мной, не считая его, остается четверо.

У Крикунова, назначенного командиром подразделения после моего увольнения, отношения с бойцами из прежнего состава – Жорой Шадурским, Костей Берташевичем и Женей Сироткиным – не сложились, ребята сочли, что во время внутреннего расследования он повел себя неправильно. В таких службах, как наша, действует неписаный, но строго соблюдаемый закон: результаты операции сначала обсуждаются внутри подразделения, а потом уже докладываются наверх. А потому принято не делать поспешных выводов о действиях командира, а если уж и делать, то ни с кем ими не делиться. Очень скоро Шадурский с Берташевичем оставили службу и заделались военными пенсионерами. Женя Сироткин необходимого срока не выслужил, а потому остался без пенсии.

Все они разъехались кто куда по России, и каждый по-своему неплохо устроился на гражданке. Поначалу часто звонили, интересовались делами и приглашали поработать вместе, потом перестали. Последний, с кем я общался, был Костя Берташевич. Он прикатил по каким-то своим делам в Москву, разыскал меня и чуть не оторвал рукава, пытаясь утащить с собой в аэропорт и увезти на Дальний Восток. Орал на весь дом об успехах в водочном бизнесе и призывал разделить их с ним. Я тогда ответил, что водки мне и в Москве хватает. Он обиделся, распил со мной еще литр и укатил.

Сейчас мне предстоял разговор с Жорой Шадурским, Дедом, как мы называли его в подразделении, самым возрастным и мудрым моим бойцом. Я взял его к себе в конце 2003 года. Четырьмя месяцами раньше его команда попала в засаду при проведении операции в стране, как принято у нас говорить, «с сухим жарким климатом». Уцелел он один. Мутная была история, меня даже ненавязчиво отговаривали. Я же поступил по-своему и ни разу за последующие годы об этом не пожалел. Теперь же от беседы с ним зависело многое, если не все. Если Жорка мне поверит, то с ребятами он будет разговаривать сам.

Я нажал зеленую кнопку в верхней части панели, раздались длинные гудки.

– Да.

– Привет, Дед.

– Здорово, Игорь. – С некоторых пор ребята перестали называть меня командиром. – Как дела?

– Нормально, сижу, пью чай.

– И?..

– Ты помнишь, четыре года назад мы выезжали на товарищеский матч за рубеж?

– Никогда не забуду.

– Кажется, есть возможность отыграться.

– Тоже на выезде?

– Дома.

– Игорь, – мягко спросил он, – ты как, в порядке?

– В полном.

– Точно?

– Слушай, – набрав полные легкие воздуха, я быстро и четко произнес: – Бао чжадэ баосин тоуинь диеньчу! – В переводе с китайского это означает: места разрывов снарядов. Попробуйте выговорить это, правильно тонируя слоги, в пьяном виде. Если не знаете языка, наверняка допустите сбой. Этот несложный, но эффективный тест на содержание алкоголя в организме в свое время ввел у себя в группе Волков, позже им не без успеха пользовался и я. – Как тебе?

– Впечатляет.

– А как: бэй попень ташан цзай тоубу (получить осколочное ранение в голову)?

– Иди ты! – восхитился он.

– Вэйчжуан чэн шучжуан (замаскироваться под пень), – проорал я и тихо добавил: – Я абсолютно трезвый, Жорка, и с ума не спрыгнул.

– Продолжай.

– На ту игру, если ты помнишь, нам навязали тренера со стороны…

– Помню.

– Так вот, сегодня утром я видел его вместе с капитаном команды противника.

– Ты уверен?

– На сто один процент.

– Но так его же вроде…

– Целых два раза.

– К нашим ходил?

– А то.

– И как?

– Никак.

– Понятно… – И после крохотной, показавшейся мне вечностью, паузы: – Извини, раньше чем послезавтра вырваться в Москву не смогу.

– Отлично.

– Ребятам сам позвоню.

– Тогда до связи.

– Аналогично, держись, командир.

У меня запершило в носу и защипало в глазах.

* * *

Георгий Шадурский, хмурый, очень спокойный мужчина около сорока лет, отключил телефон и аккуратно положил его на журнальный столик.

– Вот, значит, как – тихо сам себе сказал он и, легким движением выбросив тело из глубокого кресла, подошел к бару. Налил с полстакана виски из хрустального графина и вернулся назад.

Его жизнь после ухода из конторы сложилась вполне благополучно. Не успел вернуться на малую родину в областной центр поближе к Уралу, подальше от Москвы, как потянулись ходоки от местных буржуинов с заманчивыми предложениями. Одно из них он и принял. Уже через год возглавил службу безопасности олигарха местного разлива, владельца заводиков, газеток и пароходиков до двухсот пятидесяти тонн водоизмещением. В ходе нескольких удачных мероприятий обломал клыки наиболее прытким конкурентам и даже как-то умудрился отвадить облизывающихся на собственность шефа лихих местных рейдеров и умненьких московских мальчиков в тонких очочках и галстучках, как у Грефа. В методах, кстати, особо не церемонился. Так, одна приехавшая из столицы на «зачистку поляны» команда вдруг взяла да и пропала куда-то, прямо из снятого под штаб-квартиру загородного особняка. Известно дело, провинция, закон – тайга, медведь – свидетель. Свидетелей, кстати, не нашлось, а охрана била себя коленом в грудь, плакала и божилась, что никого и ничего… Еще одного дяденьку той же интересной профессии Шадурский навестил лично по месту жительства, в скромном собственном домишке в Италии. Прошел сквозь охрану, как иголка через марлю, разбудил спящего в собственной постельке клиента, душевно с ним переговорил, после чего ушел, как пришел, без шума и пыли. А дядечка потом долго бегал и всем рассказывал, что никогда не имел интересов в той самой области и в будущем иметь не собирается. Даже сделал заявление по этому поводу в прессе. Естественно, после всего этого Жора стал очень и очень небедным человеком. Жизнь, как говорится, удалась.

Он допил виски, встал и начал мерить шагами комнату, совершенно не беспокоясь, что его могут услышать. Второй год Шадурский был один, жена с дочками обжила домик на Кипре и в Россию возвращаться совершенно не собиралась. Такие дела, жизнь удалась, а с женой вот не сложилось. На исходе второго десятка лет в браке ее, привыкшую к гарнизонам, съемным квартирам и хроническому безденежью, как это ни странно, сломали именно деньги, большие деньги и все то, что на них можно купить.

Назавтра ему предстояло «обнулить» счет в принадлежавшем шефу банке, а потом выдержать разговор лично с самим им. Услышать его любимое: «И даже не проси» – и объяснить, что ни о чем таком просить не собирается, а просто ставит в известность.

Он взял со столика трубку и набрал номер.

* * *

Телефон зазвонил как раз в тот момент, когда Женя Сироткин, меж своими – Сиротка, признавал свою полную и безоговорочную капитуляцию.

– Как скажешь, дорогая, – тихо сказал он и обворожительно улыбнулся, – на Канары, значит, на Канары.

– Ты прелесть, Женечка, love you, – промурлыкала Маргарита, королева красоты 2006 года всей области, и тоже улыбнулась. Томно и обворожительно… – На фиг нам этот Барбадос, – подошла к нему, страстно поцеловала и слилась в объятиях.

Женя действительно очень ей нравился – симпатичный, спортивный, совсем не старый, как другие некоторые, небедный и нежадный. А что самое главное – мягкий и уступчивый. Почувствовав, что из Сироткина при желании можно вить веревки, девушка уже начала строить далекоидущие планы…

Услышав телефонную трель, он с сожалением убрал одну ладонь с роскошного бюста, вторую с места чуть пониже спины и в несколько шагов пересек гостиную по диагонали. Взял с книжной полки телефон и глянул в окошко вызова.

– Рад тебя слышать, Дед. Как сам? – все еще улыбаясь, проговорил он.

– Последний раз в прошлом году.

– Что? – Улыбка пропала – Вот как.

– Да, конечно. Завтра же.

– Сразу и позвоню.

– Понял, до связи.

Он вернул телефон на прежнее место и повернулся к девушке.

– Жень, ты меня слушаешь?

Только тут он понял, что все это время она что-то щебетала.

– Что?

– Ты совсем меня не любишь, – надула губки красавица Маргарита. – Мы на бои быков поедем?

– Понимаешь, Марго… – начал Сироткин, но она ничего такого понимать не желала.

– Оксанка в прошлом году была, говорит, прикольно. – Он не совсем врубился, что может быть прикольного в том, чтобы оторвать быка от поедания силоса и ухаживания за коровами, притащить на арену и там убить, но это было совсем неважно, девушку несло… – А еще надо обязательно смотаться в Барселону.

– Марго…

– И в Лиссабон, это тоже в Испании, совсем рядом.

– Лиссабон – это столица Португалии, – со вздохом вставил свои две копейки в разговор Евгений.

– Какая разница, все равно рядом.

– Послушай…

– И потом, почему бы тебе не купить домик в Испании, ненавижу жить в отелях, а так мы могли бы…

– Стоп, – негромко сказал Женя, и словесный поток на время прервался. – Мне позвонили…

– Да отключи ты эту трубку, – махнула она рукой, – вот, я и говорю…

– Испания откладывается. – И счастливую улыбку как ластиком стерло с лица девушки. Зато появилась продольная морщина на лбу.

– Что ты сказал?

– Возникли обстоятельства…

– Вот что, друг любезный, – она уперла руки в бока и нахмурилась, что ей совершенно не шло, – или мы завтра же с утра пораньше едем выкупать билеты, или… – она сделала паузу.

– Или… – негромко сказал он.

– Тогда будь здоров. За вещами заеду завтра. – Развернулась и двинулась к выходу в полной уверенности, что ее сейчас же попросят вернуться.

– Рита, – позвал он, и девушка, еле сдерживая улыбку торжества, замерла в дверях.

– Что, милый?

– Забирай сегодня, завтра с утра меня уже здесь не будет.

Женя проводил ее до выхода и остался стоять в прихожей. Так и есть, в дверь сначала позвонили, а потом начали колотить ногами. Он вздохнул и щелкнул замком. На пороге стояла совсем не прекрасная в гневе Маргарита, с потемневшим и слегка постаревшим от злости личиком.

– Так мы едем или нет?

– Нет.

– Больше мне не звони, понял! – Она ушла прочь, очень похожая в этот момент на саму себя лет эдак через десять.

Женя прошел на кухню и достал из холодильника бутылку минеральной. Отсалютовал луне в окошке и сделал несколько глотков.

«Все-таки ты вернулся, командир…» – Он с самого начала верил в это, только с годами эта вера сильно уменьшилась в размерах.

Тогда, четыре года тому назад, Коваленко не только умудрился эвакуировать его, полудохлого, из того чертова ресторана, но и организовать хирургическую операцию и вполне сносный уход после нее. Такое никогда не опишут в книжках и не покажут в кино, у авторов просто не хватит фантазии.

Позже, во время разбора полетов, его больше всех таскали по разным кабинетам. Суровым дядям в высоких званиях очень хотелось крови командира подразделения, а Сироткин казался слабым звеном, безвольным щенком, который подпишет все, что прикажут.

– В глаза смотреть! – заорал очень пухлый полковник. Женя поднял на него взгляд, вздрогнул и вдруг побледнел. Он понял, что прямо сейчас встанет из-за стола и оторвет этой свиноматке в погонах голову. Стало жутковато. Полковник истолковал все по-своему. – Говори, – проревел он и треснул сжатой в кулачок ухоженной ладошкой по столу. Так сильно, что зашиб руку.

Откуда они только повылазили, ни разу не бывавшие в деле, но все знающие и понимающие? Ухоженные, в дорогих мундирах, с тщательно уложенными волосенками и с обязательным маникюром. Родные, блин, самые любимые сыночки Родины-матери. А все остальные – исключительно сводные и двоюродные.

Ничего такого он не сказал ни этому полковнику, ни другим. Просто что-то блеял и откровенно косил под инвалида детства. Когда до тех красавцев все-таки доперло, что этот мальчуган над ними просто издевается, все они очень обиделись. За себя и за Родину.

Внешность, как известно, бывает обманчива. Не так уж и редки случаи, когда сурового вида, плечистый брутальный мужчина, может быть, даже знаток восточных единоборств, на поверку оказывается тряпкой и мешком жидкого дерьма. Бывает, что и наоборот.

Женя Сироткин, среднего роста, не обремененный метровыми плечищами и борцовским загривком, беззащитный с виду, симпатичный до слащавости блондинчик, на самом деле был очень даже не трусливым человеком. Редко повышающий голос, по-старомодному вежливый, мягкий и бесконфликтный, он в некоторых случаях становился опасен, как изготовившаяся к броску гремучая змея.

Уйдя, вернее, будучи выпнут со службы за утонченное хамство в высоких кабинетах и обман начальства в лучших ожиданиях, он приземлился в тихом патриархальном городишке подальше от Москвы, немного осмотрелся и стал жить дальше, зарабатывая на эту самую жизнь выполнением разных деликатных, а порой достаточно острых акций. Крайней из них было устранение очень много нахапавшего и слишком заевшегося мэра городка по соседству, некого Козинцова. Этот государственный деятель прославился тем, что за три года нахождения у власти умудрился разорить дотла когда-то процветающий, экономически востребованный райцентр, пустить по миру местный бизнес и довести до полной нищеты бюджетников. Ушедшая из города денежка, согласно известному закону физики, проследовала, нигде не задерживаясь, энное расстояние и осела на счетах мудрого политика и крепкого хозяйственника, Козинцова В. А. Суммы, по оценкам знающих людей, потрясали воображение. Этот пройдоха сподобился кинуть всех: доверившееся ему население, местный бизнес, областную администрацию, ожидавшую «откатов» и так их и не дождавшуюся, федеральный центр и даже собственную команду, все эти годы

шкурившую для него все и всех.

Выдоив город досуха, он рванул в Чехию, в сжатые сроки получил гражданство и начал жить-поживать, размеренно и со вкусом проедая наворованное. Достать этого шустрилу легально возможности не представлялось, потому что любое заявление против него могло стать началом серьезного разбирательства в отношении сотрудничавших с ним уважаемых людей и являлось бы, по сути, явкой с повинной.

Чтобы не создавать прецедента, его решили убрать, но, то ли заказчики сэкономили на исполнителях, то ли тем просто не повезло. Козинцов словил пулю в организм, но выжил. После выздоровления переехал в Швейцарию, прикупил домишко в Берне, обложился охраной и стал жить дальше. Он искренне верил, наивный местечковый хапуга, что в такой стране его уже точно не достанут.

За эту акцию Сироткин огреб немалые деньги, и только было собрался вознаградить себя поездкой на курорт в компании очень красивой дамы, как жизнь в очередной раз доказала, что не стоит строить далекоидущих планов. Самое интересное то, что резкое изменение обстановки совершенно его не огорчило. Скорее даже наоборот.

* * *

На Дальнем Востоке было раннее утро, но Константин Берташевич не спал, сидел в трусах на кухне и гонял чаи. Всю ночь он ожидал звонка, правда, совсем от другого человека.

Он обнаружил трезвонящий телефон в кармане висящей в прихожей на вешалке куртки и нажал на зеленую кнопку.

– Здорово, Жор… – пророкотал он в трубку. – Почто людей тревожишь с утра пораньше?

– …

– Вот как, интересно.

– …

– Трезвый, говоришь? А я, признаться, думал, что все уже, кранты Игорьку.

– …

– Неужели? Вот уж не подумал бы.

– …

– Нет, Дед, не приеду. И тебе не советую. Это все уже в прошлом, а жить надо настоящим.

– …

– Ну, как знаешь, удачи. Обнимаю.

Забросил трубку на место и поспешил назад, на кухню, потому что наконец-то зазвонил другой, очень нужный телефон. Пришло время заслушать доклад, как прошла ночная смена.

Константин Берташевич, для своих в прошлом просто Берта, здоровенный, очень крупный мужик. Из серии тех персонажей, кого меньше всего хочется встретить вечерком в безлюдном месте. Несмотря на, мягко говоря, суровый внешний вид, человек достаточно толковый и предприимчивый.

Сняв несколько лет назад погоны, он, недолго думая, рванул на Дальний Восток к брату бывшей жены, с которым, несмотря на развод с его стервой-сестрицей, умудрился сохранить дружеские отношения. Устроился начальником охраны на недавно отстроенный родственником водочный завод. Когда на предприятие начались «наезды» с той и другой стороны закона, проявил себя наилучшим образом. Договорился с болеющими душой за здоровье дорогих россиян правоохранителями в погонах и даже умудрился несколько поумерить их здоровые аппетиты. Как смог, успокоил озабоченных появлением новых лиц на водочном рынке конкурентов, и смог неплохо. Решил вопрос с местными бандюганами, правда, для этого пришлось убить троих и с полдюжины покалечить. В общем, стал полезным и незаменимым. А потому через некоторое

время благодарному родственнику не осталось ничего другого, как выделить Константину долю. Теперь ему регулярно капала денежка с каждой легально произведенной бутылки в дневную смену, а также с выгнанного «левака» – в ночную.

Он стал уважаемым человеком в городе, переехал в прекрасный дом за городом и зажил богато и успешно, все реже и реже вспоминая о прошлом. Все в этой жизни его устраивало, и какие-нибудь перемены в его жизненные планы не входили.

Перед сном я еще раз взялся за телефон.

– Слушаю.

– Здравствуй, командир, узнаешь?

– Привет, Игорь, – ответил Сергей Волков так, как будто последний раз мы с ним виделись позавчера, а не четыре года назад, – как поживаешь?

– По-разному. Надо бы поговорить.

– Если горит, приезжай сейчас.

– Не настолько.

– Тогда завтра ко мне в офис, – он назвал адрес.

– Когда?

– Я буду на месте с девяти до одиннадцати, а потом у меня дела в городе.

– Понял, заеду с утра. До встречи и спасибо.

– На здоровье… – хмыкнул он и отключился.

Я совсем отвык засыпать на трезвую голову, а потому, несмотря на предыдущую бессонную ночь, поначалу не смог сомкнуть глаз. Ворочался в темноте, пару раз сходил на кухню попить воды. Зверски хотелось выпить, но к холодильнику я сам себя не пустил. Погрузиться в сон удалось только после легкого массажа нужных точек на голове. Не успел я как следует отключиться, как прямо через запертую дверь в комнату вошли Саня, Петр и Игорь, трое погибших из-за меня отличных мужиков. Вошли и молча встали у изголовья…

Лирическое отступление второе.

Производственное.

Где-то в Европе. Весна 2004 года.

– Это Первый! Старшие «двоек» и Восьмой!

– На связи.

– Здесь.

– Тут я.

– Слушаю.

– Всем готовность тридцать минут.

Радиообмен проходил на неплохом немецком языке.

Делающие совместный бизнес люди, даже если им не очень приятно общество друг друга, время от времени должны встречаться, они просто обречены на это. Как бы ни развивалась техника, ей никогда не заменить человеческого общения. Конечно, для того чтобы подвести итоги работы за период или там наметить задачи на перспективу, вполне достаточно обменяться сообщениями по факсу, письмами по электронной почте. Но, согласитесь, бывают все-таки случаи, когда просто необходимо пообщаться с глазу на глаз, внимательно отследить, не потеет ли у партнера от волнения лысинка, не бегают ли блудливо глазки, не

трясутся ли ручонки, чтобы тут же, на месте, определить, не замышляет ли он чего недоброго и не готовит ли, собака такая, какую-нибудь подлянку. Да и потом, доверять содержание некоторых разговоров техническим средствам просто не рекомендуется.

Поэтому банкиры степенно обсуждают свои вопросы в тиши специально оборудованных «белым шумом» кабинетов, болтают, опасливо оглядываясь по сторонам, вороватые менеджеры за бизнес-ланчем, «перетирает» накопившиеся вопросы за бутылкой на лавочке всякая гопота. Солидные уголовные авторитеты и политики пересекаются в каком-нибудь тихом ресторане, например на «золотой версте», принадлежащем одному из них или кому-нибудь из близких.

Еще очень часто видятся влюбленные и депутаты. И если для первых – это потребность, то для вторых – работа, источник материальных благ и безбрежного административного ресурса.

Эти двое регулярно собирались вместе за плотно закрытыми дверями два-три раза в год на протяжении доброго десятка лет, выбирая для нечастых встреч тихие, не особо привлекательные для посторонней публики места. Их деловое партнерство началось в первой половине девяностых. В то время один из них занимал скромный на первый взгляд пост в аппарате не шибко трезвого президента всея Руси, а другой был просто бандитом, лидером небольшого, но наглого вооруженного формирования на территории одной маленькой, но крайне гордой республики.

Потом первый стал депутатом боярской думы, второй – членом правительства у себя на родине. Когда же один из них взлетел аж до статуса члена Совета Федерации, сенатора, а другой оказался находящимся как бы в международном розыске особо опасным преступником, их встречи не прекратились. Их просто стали проводить вне территории Российской Федерации. Эти двое по-прежнему оставались деловыми партнерами, потому что для настоящего бизнеса статус компаньона – не помеха, была бы только выгода. А выгода была, и немалая, только теперь источником доходов служил не плохонький самопальный бензин или примитивная работорговля, а высокая политика.

На этот раз рандеву происходило в снятых на целые сутки так называемых «президентских» апартаментах скромной гостиницы «Тринити» в скучном деловом центре одной европейской столицы. В этом районе не наблюдалось дорогих бутиков, модных ресторанов или казино, а потому вероятность встречи

с кем-либо из праздношатающихся по миру соотечественников и преследующих их (ими же и нанятых) папарацци была крайне незначительной. Партнеры расположились в оборудованном под кабинет помещении трехкомнатного номера. В гостиной находилась охрана одного из них, трое сурового вида бородачей в оттопыривающихся по бокам и на груди кожаных куртках и спортивных костюмах, вызывающих легкую ностальгию по ушедшим в историю девяностым. Их старший вольготно раскинулся в кресле, а двое других пристроились рядом на корточках. Все громко разговаривали и курили, непринужденно стряхивая пепел прямо на дорогой ковер. Кроме них, в гостиной присутствовали еще двое молодых людей в приличных костюмах, по виду референтов. На первый взгляд безобидных, невооруженных и с оружием обращаться не умеющих. Первое впечатление, впрочем, очень часто бывает ошибочным. Скромненько сидя на краешках стульев, эти двое внимательно контролировали каждый свою зону ответственности (входную дверь и окно с пуленепробиваемыми стеклами) и незаметно, но внимательно отслеживали действия соседей. Запертая на замок третья комната в номере, спальня, пустовала: интим между высокими переговаривающимися сторонами не предполагался.

В коридоре у входной двери находилось еще по одному человеку из каждой команды, а снаружи обстановку контролировали сидящие в автомобилях бородачи и «референты». Словом, граница на замке и ключ потерян.

– Это Первый. Всем внимание, готовность десять минут.

Компаньоны сидели по обе стороны низкого стола из темного дерева. Оба приблизительно одного возраста, только один полный, можно сказать, толстый, с тщательно уложенными в замысловатую прическу светлыми волнистыми волосами. В скрывающем недостатки фигуры темном костюме Dolce & Gabbana, сшитой на заказ сорочке и галстуке с крупным, по последней моде, узлом. Вальяжно раскинувшись в кресле и вытянув ноги, он прямо-таки излучал негу и спокойствие.

Второй, смуглый, поджарый, широкоплечий, сидел на краешке стула, по-волчьи зыркая глазами, в любой момент готовый сорваться и начать действовать. Светлый костюм, черная, наглухо застегнутая рубашка, баранья папаха на голове. Не менее дорогой, нежели у собеседника, прикид смотрелся на нем неловко и даже несколько нелепо, точно так же, как на том выглядела бы камуфляжная форма с разгрузкой.

«Конфетно-букетный», предшествовавший каждой встрече, период был успешно пройден. Настало время поговорить о серьезном. Оба одновременно, как по команде, протянули руки к столу. Один взял бокал с красным вином и сделал глоток, второй схватил портативную рацию и обменялся парой реплик.

– Что-то не так, Иса?

– Все тихо, Володя, не волнуйся. – Он взглянул на бокал в руке толстяка и незаметно сглотнул. Очень захотелось выпить, много и прямо сейчас. А еще почему-то было очень неспокойно. Привыкший за прошедшие годы шкурой чувствовать опасность, а потому до сих пор живой и на воле, Иса Мадуев зябко повел плечами, потянулся было вновь к рации, но сдержался. Что-то подсказывало ему, что с переговорами затягивать не следует.

Оставалось обсудить только…

– Твое здоровье, – названный Володей поднял бокал. На правой (в соответствии с российской политмодой) руке тускло блеснули часы, скромный «Патек» в платиновом корпусе.

– Здоровье в порядке, скажи лучше, когда деньги будут?

– А когда будет работа?

– Не говори со мной так, – вкрадчиво, но с ощутимой угрозой в голосе произнес Иса.

Другой бы, может, и испугался, но не его собеседник. Металл в голосе «грозного и ужасного» горца тревожил его ничуть не больше, чем его же папаха. Слишком уж долго он общался с соплеменниками своего компаньона, а потому заранее знал, что они скажут и что сделают. И потом, в их связке он всегда был номером первым. Даже тогда, в середине девяностых, когда казалось, что громадная и бессильная Россия покорно легла под крохотную Чечню, это только так казалось. Просто отрабатывался еще один бизнес-проект по распилу немереных бабок. Кстати, большинство средств успешно осело на счетах московских партнеров, а гордые нохчи, получается, просто отгорбатились за долю малую.

– Деньги есть, Иса. – Он со вкусом закурил и выпустил струю дыма в потолок. – Ты же знаешь.

– Знаю, Вова, знаю, – закивал тот, – переведи хотя бы половину и…

Человек, находящийся в той же гостинице, на том же этаже, через стенку от комнаты, в которой сидели высокие, о чем-то договаривающиеся стороны, щелкнул ногтем по мембране микрофона.

– Это Первый. Доложите о готовности.

– Второй, к работе готов.

– Четвертый, порядок.

– Шестой, всегда готов.

– Восьмой, жду команды.

– Всем, кроме Восьмого, – начало через две минуты. Восьмой, начало через десять секунд. – Он надел респиратор и повернул вентиль стоящего на полу баллона.

– Двадцать процентов, Иса, получишь к пятнице.

– Хотя бы сорок, Володя, поверь, очень надо.

– Двадцать пять, больше не будет, – больше за раз он платить не собирался. Иса знал об этом, а он знал, что тот знает.

Никто не увидел, не услышал и даже не почувствовал, как в кабинет и гостиную гостиничного номера двести восемь из номеров двести шесть и двести десять пошел газ, потому что он был бесцветным, не имел запаха и проникал без лишнего шума. Попадали со стульев «референты» в гостиной и Иса в кабинете, приземлились с корточек на пятые точки двое его охранников. Толстый Вова и бородач остались там, где были, то есть в креслах.

На этаж поднялась нетрезвая парочка – здоровенный, дорого одетый тип в обнимку с вульгарной, сильно накрашенной брюнеткой в обтягивающем крупный бюст свитере и длинной юбке. Возле двести восьмого номера дамочка зацепилась каблуком за ковер. Она обязательно бы упала, не поддержи ее галантный кавалер. В благодарность за это она обняла его за шею одной рукой, вторую засунула к нему под плащ и прильнула… Бородач слева от двери смотрел на все это, приоткрыв рот и облизываясь. Стоящий по другую сторону двери «референт», что-то почувствовав, молниеносно выбросил из-за спины руку с оружием и почти успел, но «почти», как известно, не считается. Коварная брюнетка выстрелила ему прямо в лоб через плащ кавалера. Вторая пуля влетела в приоткрытый рот его напарника, на сей раз стрелял мужчина.

Надевшая респираторы парочка открыла электронным ключом дверь и вошла, втащив за собой тела охранников. Быстренько проверили состояние всех, находящихся внутри. Мужчина посмотрел на часы и постучал по закрепленному на запястье левой руки микрофону. Дверь тотчас распахнулась, и в номер вошли еще двое, тоже в респираторах. Через минуту один из них что-то промычал через маску. Дама перекрестилась и сняла респиратор. Пару раз глубоко вдохнула-выдохнула: порядок, сонный газ в полном соответствии с тактико-техническими характеристиками успел полностью разложиться в воздухе на безвредные для здоровья составляющие.

– Держи, – сказал по-русски один из вошедших и бросил ей сумку. Та поймала ее и, ловко крутанувшись на каблуках, двинулась в сторону ванной комнаты.

– Не уходи, любовь, – заныл ее недавний кавалер.

– Перебьешься. – Голос у дамочки прозвучал как-то не по-женски низко.

Бородач в кресле вдруг дернулся и оглушительно захрапел.

– Зафиксируй этих.

– Есть, командир. – И, достав из сумки моток скотча, брошенный подругой, здоровяк сноровисто принялся обматывать им спящих.

Двое других прошли в кабинет и, как по команде, извлекли шприц-тюбики. Уколов валяющегося на ковре отдельно от собственной папахи Ису и

раскинувшегося в кресле Вову, принялись без особых церемоний приводить их в чувство оплеухами. Когда толстяк открыл глаза, склонившийся над ним человек прекратил массировать ему щеки и легонько потянул за рукав.

– Вставай. – И тот послушно вылез из кресла. – Пошли, – скомандовал человек, и он вместе с ним двинулся из кабинета.

Следом походкой ожившего мертвеца, заботливо поддерживаемый под локоток сопровождающим, шел Иса. В гостиной их ожидали двое: закончивший упаковку тел сонных хранителей и та самая дамочка, на поверку оказавшаяся вовсе даже мужчиной, хрупким, среднего роста, симпатичным до слащавости блондином.

– На выход, – скомандовал прослушавший поступившее сообщение старший, и все шестеро покинули номер. Шедший последним запер дверь и заботливо поправил висящую на ручке табличку с просьбой не беспокоить находящихся внутри.

Вся компания бодро проследовала через холл к ожидающим их у выхода двум автомобилям представительского класса и загрузилась в салон.

– Поехали, – кратко, по-гагарински, скомандовал старший, и автомобили тронулись.

Чуть погодя за ними пристроился еще один, неброский синенький «Форд Фокус».

– Как все прошло, Кира? – спросил он у сидящего рядом с водителем.

– Нормально, командир.

– «Холодных» нет?

– Обошлось, слава богу.

– Вот и чудненько, – удовлетворенно молвил старший.

До аэропорта ехали молча. Перед въездом на летное поле к ожидавшему всю честную компанию легкому самолету остановились.

– Веселимся! – отдал команду старший и тут же вколол сидящему рядом, бессмысленно глазеющему в затылок водителю Вове иголку шприца. Сам же, достав из внутреннего кармана пиджака небольшую металлическую фляжку, облизнулся и сделал пару глотков, после чего передал сосуд сидевшему по другую руку от толстяка товарищу.

Извините за пошлость, но хорошо быть богатым. Как бы ни ныли согнутые в бараний рог непосильными трудами и нечеловеческой ответственностью за судьбы мира бизнесмены с чиновниками, все равно хорошо. Не надо экономить на жратве и выпивке, таскать на себе китайский ширпотреб и отдыхать исключительно на собственных шести сотках в деревне с тяпкой в позе «жопа много выше головы».

А еще богатство означает комфорт, бездну уважения со стороны окружающих и непередаваемое ощущение собственной значимости. Избавленные от необходимости толкаться в общественном транспорте, часами стоять в пробках и сутками ожидать в аэропорту, когда же найдется керосин для самолета, гордо именующие себя элитой граждане живут в волшебном, избавленном от грязи, нищеты и хамства мире, наслаждаясь приятным обществом себе подобных. Там, где сбываются все желания и отсутствуют преграды. Полиция не быкует, а вежливо берет под козырек, официанты не проливают на колени суп, а таможня днем и ночью только и делает, что «дает добро».

Развеселая компания с похожими на рев песнями выгрузилась из лимузинов. Терпеливо ожидавший ее у трапа чин быстренько проставил в паспорта «колотухи», отметив про себя, что гулять эти русские умеют, по крайней мере, трезвее за прошедшие со дня прибытия сутки они не стали. Лимузины развернулись и уехали. Самолетик чуть вздрогнул и медленно тронулся в сторону взлетной полосы.

Он дернулся и приоткрыл глаза. Трещала голова, поташнивало, во всем организме ощущалась похмельная тяжесть. Прямо как в комсомольской юности, когда секретарь райкома по идеологии Вовка С. по прозвищу Бездонный, тогда еще тощий и вихрастый, не зная меры, регулярно заливал вовнутрь себя все, что горит и плещется. Прикрыл глаза и тихонько застонал.

– Тяжело, болезный? – раздалось над ухом.

Он увидел прямо перед собой здоровенный волосатый кулак и выглядывающий из него высокий стакан с чем-то пузырящимся.

– Выпей, полегчает.

Страждущий схватил двумя руками стакан и начал жадно пить. Действительно, очень скоро стало намного легче.

Опять открыл глаза, заглянул в иллюминатор слева от себя, прислушался к ровному, чуть слышному гулу моторов. Постарался восстановить в памяти события прошедшего дня, кое-что получилось. Тут он заорал и попытался вскочить на ноги. Не вышло, широкая ладонь легла на плечо и буквально вдавила назад в кресло.

– Не убивайтесь вы так, мужчина, – с улыбкой произнес смуглый, горбоносый, похожий на грека мужик, – все равно не убьетесь.

– Мне нужно поговорить с вашим начальником. Наедине.

– Запросто. Командир!

– Представьтесь, – строго приказал он присевшему рядом человеку.

– Зачем?

– Вы, надеюсь, знаете, кто я?

– Мне это неинтересно. Для меня вы просто посылка, а я, получается, курьер. – Он прекрасно знал, кто сидит перед ним: бывший депутат, бывший сенатор, а ныне – один из лидеров новой, набирающей силу партии. Патриот, государственник, собиратель, блин, земель русских. Жирная, ухоженная, набитая деньгами гнида без чести и совести. Вор и подонок.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Ричард Олдингтон.

Купить: https://tellnovel.com/shuvalov_aleksandr/ozhivshiy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити